МОСКВА:

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ОГОНЁК

№ 47 НОЯБРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

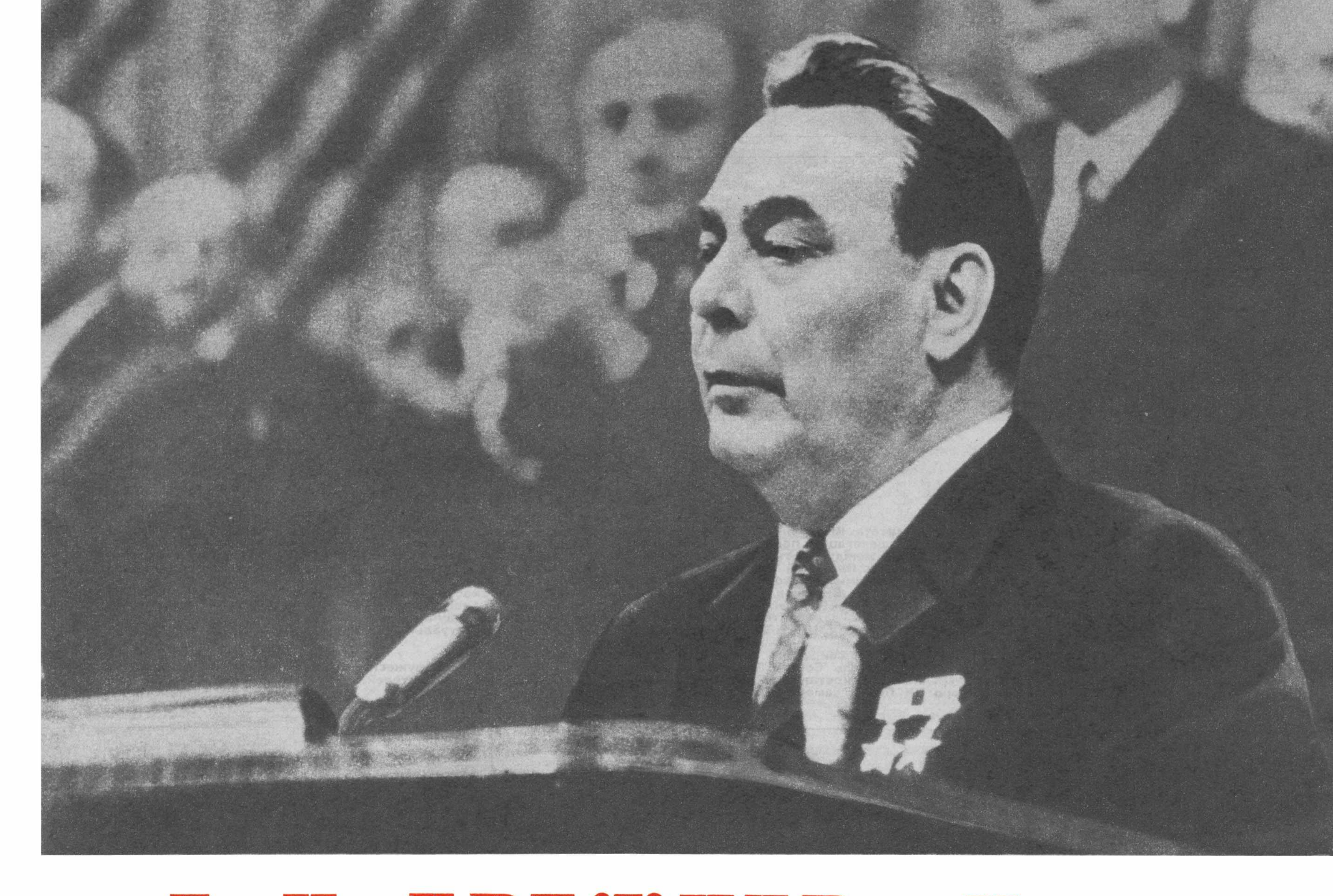
№ 47 (2316)

20 НОЯБРЯ 1971

Идет москвич Борис Корсаков по своему городу, прекрасному и светлому. Ведет за руку сына Юру. А мальчику хочется узнать, какой станет столица лет через тридцать, когда он будет таким же большим, как папа...

В этом номере мы рассказываем о Москве будущего, совершаем путешествие в год 2000-й...

Фото А. Награльяна.

Л. И. БРЕЖНЕВ: «Наша цель состоит в том, чтобы превратить Москву в образцовый коммунистический город с удобной планировкой, современной архитектурой, с высоким уровнем благоустройства и санитарно-гигиенических условий жизни».

Из речи на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа столицы 11 июня 1971 года.

ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР 10 ноября в Москве находилась делегация польских партийных и государственных деятелей. В ЦК КПСС между партийными и государственными деятелями Советского Союза и Польской Народной Республики состоялся товарищеский обмен мнениями, в котором приняли участие Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков.

С польской стороны участвовали Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР П. Ярошевич, член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП Я. Шидляк, кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР М. Ягельский, член ЦК ПОРП, посол ПНР в Советском Союзе З. Новак.

Участники встречи с глубоким удовлетворением отметили успешное развитие всесторонних связей между братскими партиями и народами Советского Союза и Польской Народной Республики. Они выразили взаимную готовность всемерно содействовать дальнейшему углублению советско-польского сотрудничества во всех областях государственной, общественной, научной и культурной жизни. Состоялся также обмен мнениями по актуальным вопросам международного положения.

На снимке: дружеская встреча советских и польских партийных и государственных деятелей.

Фото А. ПАХОМОВА.

ВО ИМЯ МИРА

Л. И. Брежнев и Ж. Помпиду обмениваются рукопожатием во время проводов в Елисейском дворце.

Л. И. Брежнев отвечает на приветствия жителей Марселя, собравшихся в порту.

Миллионы телезрителей уже видели новый документальный фильм «Во имя мира и дружбы» о визите товарища Л. И. Брежнева во Францию. В состав творческого коллектива вошли журналисты Г. Зубков и А. Потапов, режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР Е. Андриканис, операторы Н. Кепко, А. Иванов, В. Степанов.

— Создание этого фильма — высокая честь,— говорит режиссер Евгений Николаевич Андриканис.— И понятно, что весь коллектив работал с большим энтузиазмом. Операторы стремились запечатлеть волнующие моменты встречи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева с президентом Франции Жоржем Помпиду, с французским народом...

Съемки происходили на улицах Парижа и на Елисейских полях; возле заводских ворот, где люди приветствовали высокого гостя с огромной сердечностью.

Посещение товарищем Л. И. Брежневым квартиры В. И. Ленина на улице Мари-Роз... Здесь произошла одна из наиболее волнующих встреч Л. И. Брежнева с руководителями Коммунистической партии Франции и парижанами, заполнившими улицы всего квартала. Речь Л. И. Брежнева, произнесенная с балкона исторической квартиры, была встречена бурей оваций. Трудящиеся Парижа скандировали:

— Да здравствует дружба! Да здравствует Советский Союз! Да здравствует дружба Франции с Советским Союзом!..

Надолго запомнятся встречи Л. И. Брежнева с рабочими завода «Рено», с жителями Марселя. Снова и снова проявились здесь чувства истинной дружбы французского и советского народов, горячие симпатии Франции к Советскому Союзу.

Съемки торжественных официальных приемов, встречи с президентом Франции Ж. Помпиду и другими французскими руководителями сменялись съемкой теплых встреч с трудовым народом Франции.

Думается, создателям фильма удалось довести эту атмосферу до зрителей, хотя создан фильм в рекордно короткий срок; уже через несколько дней после окончания визита Л. И. Брежнева во Францию миллионы людей Советской страны и стран Интервидения увидели на экранах своих телевизоров замечательные кадры, где зримо воплощается программа мира и дружбы, провозглашенная XXIV съездом КПСС.

СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

С большим интересом телезрители просмотрели хроникальную ленту «Маршрутами дружбы», посвященную пребыванию в Канаде и на Кубе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Сердечной была встреча главы Советского правительства с рабочими канадских предприятий. На атомной электростанции в Пикеринге оператор В. Горемыкин запечатлел взволнованные лица канадцев, приветствовавших советских гостей.

Впечатляющие кадры рассказывают о строительстве нового жилого района в Аламаре — предместье столицы Кубы Гаваны. В свободное от работы время будущие новоселы сами ведут здесь строительные работы.

Материалы для этого и для двух других будущих документально-телевизионных фильмов, которые ставит режиссер А. Хухриков, подготовлены политическим обозревателем Всесоюзного радио и телевидения А. Дружининым. Он же автор сопровождающего фильм текста, в котором живо и увлекательно рассказывается о событиях, происходивших во время визита, целью которого является дальнейшее укрепление и расширение дружбы между СССР и странами американского континента.

В оттавском аэропорту Апплендс. А. Н. Косыгин и П. Э. Трюдо.

Фидель Кастро Рус, А. Н. Косыгин, Освальдо Дортикос Торрадо во время встречи в гаванском аэропорту.

ПРАЗДНИК НАРОДА И АРМИИ

19 ноября 1943 года многие тысячи орудий, минометов и реактивных установок одновременно обрушили массированный огонь на гитлеровцев, окруженных в районе Сталинграда.

Советский народ и его Вооруженные Силы ежегодно 19 ноября как большой праздник отмечают День ракетных войск и артиллерии.

На снимке: ракетчики в районе учебных занятий.
Фото Н. Акимова (ТАСС).

УВЕРЕННОЙ ПОСТУПЬЮ

Летом этого года монгольский народ торжественно отметил полустолетие со дня победы Народной революции. Монгольская Народная Республика была провозглашена 26 ноября 1924 года как суверенное государство.

XVI съезд МНРП подытожил успехи и достижения монгольского народа в строительстве социализма. Из аграрной страны МНР превращается в индустриально-аграрную. Новых трудовых успехов достиг во втором полугодии первого года пятой пятилетки славный монгольский рабочий класс. Успешно выполнены производственные задания III квартала. Народ МНР с удвоенной энергией добивается увеличения общественного производства путем более устойчивого роста сельского хозяйства, дальнейшего развития промышленности и других отраслей экономики в целях обеспечения на этой основе неуклонного повышения материального и культурного уровня трудящихся.

Последовательно претворяя в жизнь задачи, выдвинутые МНРП, укрепляя и расширяя братскую дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, со всеми странами социалистического содружества, монгольский народ уверенной поступью идет к заветной цели — завершению строительства нового общества на древней монгольской земле.

На снимке: Улан-Батор. Новый жилой район.
Фото Д. Ухтомского.

СТРАНА СОВЕТОВ— АВАНГАРД БОРЬБЫ ЗА МИР

Виктор МАЕВСКИЙ

Празднование годовщины Великого Октября у нас в стране и за рубежом вылилось в новую яркую, волнующую демонстрацию солидарности народов в борьбе за мир и прогресс.

Ленин, Октябрь, мир — эти три слова стали олицетворением нового общества, новых международных отношений. Первым декретом Советской власти был ленинский Декрет о мире. Советский народ, ведомый Коммунистической партией, под знаменем мира сражался и победил в гражданской войне, разгромил гитлеровских захватчиков, трудится и борется сегодня, закладывая прочный фундамент коммунизма.

Миролюбивые устремления Советского Союза, советского народа с предельной ясностью сформулированы в программе мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС и получившей широкое признание далеко за пределами нашей Родины. Эта всеобъемлющая реалистическая программа отвечает коренным интересам всех народов. Она последовательно проводится в жизнь нашей партией и правительством.

В центре внимания международной общественности в эти дни находятся итоги визитов Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию и Германскую Демократическую Республику. Зарубежная печать отмечает первостепенную важность подписанных в Париже Принципов сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией, советско-французской Декларации как с точки зрения развития дружественных советско-французских отношений, так и с точки зрения перспектив укрепления мира и безопасности на европейском континенте и во всем мире.

Советский Союз, писала на днях газета «Юманите диманш», «строго придерживается определенной линии, которую недавно подтвердил XXIV съезд КПСС. Горячо преданный делу мира, СССР заботится о нем повсюду, где возникает очаг войны, но также и в Европе, чтобы навсегда ликвидировать остатки прошлого и окончательно обеспечить безопасность на нашем континенте. Все те, кто хотя бы немного знаком с Советским Союзом, знают, до какой степени воля правительства в этой области отражает самые настоятельные чаяния народа».

Большое значение для укрепления дружественных отношений Советского Союза с Алжиром, Марокко, Канадой имели поездки Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в эти страны и документы, подписанные в итоге визитов. Принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем стали прочной основой отношений нашей страны со многими странами на благо всеобщего мира. В Организации Объединенных Наций и вне ее Советский Союз настойчиво добивается решения важнейших проблем разоружения, предотвращения ядерной угрозы, ликвидации последних остатков колониализма.

В борьбе против сил агрессии и войны активная миролюбивая политика Советского Союза и братских социалистических стран стала главным фактором упрочения мира и безопасности народов. Визиты советских руководителей в Демократическую Республику Вьетнам, Германскую Демократическую Республику, на Кубу и в другие социалистические страны продемонстрировали непоколебимую солидарность стран социализма в поддержке героической борьбы народов Индокитая против американских агрессоров, борьбы арабских народов против израильских захватчиков, усилий европейских народов, направленных на обеспечение мира и безопасности, в поддержке всех сил, выступающих против империализма, за мир. Укрепление единства и сплоченности социалистических стран, наращивание могущества социалистического содружества оказывают все возрастающее воздействие на ход мировых событий.

В эти дни Стране Советов — авангарду борьбы за мир — несут тепло своих сердец труженики Запада и Востока.

Это вьетнамские друзья, с которыми мы встречались в героическом Ханое, на руинах многострадального Виня, в подземных цехах заводов Тханьхоа, на пристанях Хайфона, на трудных вьетнамских дорогах. Улыбка и возглас «Льенсо! Советский друг!» были нашими спутниками повсюду на вьетнамской земле.

Это наши алжирские друзья, что в знойной Аннабе встречали советских людей хлебом-солью, гудками фабрик и пароходов, восторженным «Ура!».

Это наши друзья из солнечной Гаваны и дождливого Сантьяго-де-Куба, что шли навстречу советским гостям под лозунгами «Да здравствует Октябрьская социалистическая революция!», «Да здравствует нерушимая дружба СССР и Кубы!» и усыпали дорогу алыми розами.

Это рабочие Парижа, докеры Марселя и Касабланки, моряки далекого Ванкувера...

Советские люди с большой теплотой приветствуют соратников в борьбе против империализма и войны — миллионы братьев в социалистических странах, огромное множество наших друзей в Азии, Африке, Латинской Америке, пролетарские массы стран капитала. И это могучая демонстрация пролетарской солидарности, интернационализма в действии, единства народов в борьбе за мир.

Заседание открывает член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС тов. В. В. Гришин.

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНПЛАНА

После вышедшего постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о Генеральном плане развития Москвы состоялось совместное заседание МГК КПСС и Моссовета, на котором обсуждались задачи по выполнению постановления партии и правительства, были намечены пути реализации нового Генплана.

В зале заседания. Фото А. Светлова.

СЛОВО

В. И. ДЮЖЕВ,
Герой Социалистического Труда
завод «Серп и молот»

В начале прошедшего лета рабочие нашего завода, как и все советские люди, с живой заинтересованностью обсуждали постановление партии и правительства о Генеральном плане развития Москвы. Постановление это крепко запало нам в душу. Москва дорога всем гражданам Советского Союза, потому что это столица нашего государства, она дорога и всем прогрессивным людям мира, потому что это главный город страны, где впервые в истории осуществились многовековые мечты лучших сынов человечества. Но для нас, москвичей, это еще и город родной, бесконечно близкий сердцу, город, с которым связаны детство, юность, первые самостоятельные шаги...

Я хорошо помню розовую, ласковую, зоревую Москву моего детства. По ее булыжным мостовым в ту пору еще цокали копыта тяжеловозов-першеронов, понукаемых степенными извозчиками. После революции мои родители, как и семьи других московских тружеников, переселились из ветхого жилья в хороший дом. Стоял он в теперешнем Бауманском переулке, до 1917 года обитали в нем богачи.

Семья у нас была немалая — четверо детей. Родители старались, чтоб ребята как можно больше бывали на воздухе. И бабушка наша — певунья, сказочница — часто отправлялась с внуками в долгие пешие прогулки. Вела она нас через весь город — в Сокольники, Останкино, Измайлово. Тогда-то и полюбились нам на всю жизнь торжественная Красная площадь, извилистые переулки, полные тихого очарования, и мы с удивлением и восхищением смотрели на только-только нарождающиеся кварталы новых столичных домов.

О своем детстве я позволил себе упомянуть потому, что уверен: так или почти так начиналась любовь к родному городу и у других моих земляков.

Но настал день, когда Москва предстала передо мною совсем иной — строгой, суровой, с аэростатами заграждения на улицах. Шел 1941 год. Мы, комсомольцы, ученики старших классов, патрулировали тогда по городу. Особенно запомнился один день — шестое ноября. Наш патруль — четыре комсомольца и солдат — охранял ЦАГИ. Близилась ночь, и вдруг в притихшей, затемненной Москве послышался мощный гул: по улице Баумана шли танки. Что за танки? Откуда? На другой день мы узнали: утром на Красной площади состоялся парад. И мы поняли, что там были и те наши танки с улицы Баумана и что прямо с парада вместе со всеми воинами, участвовавшими в нем, танкисты отправились в бой за столицу.

А годом позже я познакомился с новой для меня Москвой — промышленной, рабочей. Для фронта лета мои еще не вышли. И летом я отправился в горком комсомола посоветоваться, куда пойти работать. Там сказали: «Иди-ка ты, парень, на «Серп и молот», вот тебе путевка». Нашему поколению тогда не приходи-

О МОЕЙ МОСКВЕ

лось делать выбора, в то тяжкое, военное время за нас решали страна, партия, народ. Мои ровесники, товарищи по труду, гордятся тем, что в ряды рабочего класса мы пришли по призыву партии и комсомола.

В ночь на 13 июля 1942 года вышел я в свою первую смену — в листопрокатный цех «Серпа и молота», где работаю вальцовщиком и поныне. Вернее, работал. Недавно коллектив оказал мне большое доверие — избрали меня председателем завкома.

Здесь, на «Серпе и молоте», узнал я Москву рабочую и приобщился к великому братству людей труда. Высокое это звание — московский рабочий! Все мои товарищи очень гордятся им и знают: нельзя нам ронять своей чести ни в чем и нигде, куда бы ты ни приехал. Это же большая ответственность — представлять рабочий класс столицы.

За 29 лет, что проработал я на «Серпе и молоте», неузнаваемо изменился наш завод, как и вся московская промышленность, выпускающая ныне продукции в сто с лишним раз больше, чем до революции. Первыми в стране на «Серпе и молоте» внедрили кислород на мартенах, все цехи предприятия ныне переведены на природный газ вместо мазута и угля, розлив стали производится теперь не в канавы, а на тележки, многие производственные процессы полностью механизированы и автоматизированы. А второй мартеновский цех наш после реконструкции и называется-то уже не мартеновским, а электросталеплавильным. Словом, у нас на заводе, как и на других столичных предприятиях, делали и делают все возможное, чтобы давать стране как можно больше высококачественной продукции при минимальных затратах труда и материалов.

Мои друзья с «Серпа и молота» радовались, переезжая в новые квартиры заводского городка, выросшего в Ново-Гиреееве. Только за прошлую пятилетку мы построили там 55 тысяч квадратных метров жилья. И товарищи наши с других заводов заселяли в эти годы современные хорошие дома в Кузьминках, Бескудникове, Медведкове, Свиблове...

Вот потому-то мы и вчитывались с таким вниманием в строки Генерального плана: было очень интересно узнать, как изменится Москва в будущем, Москва, которую мы сами и строим и украшаем. А нам, рабочим, конечно, особенно близка та часть Генплана, которая относится к реконструкции столичной промышленности. И думаю, что выражу общее мнение, если скажу: очень дельно и мудро решается этот вопрос. Генеральный план предусматривает вдвое повысить выпуск промышленной продукции в Москве. Но каким образом? За счет увеличения численности рабочих? За счет строительства новых предприятий? Нет, этого делать нельзя. Москва и без того уже перенасыщена заводами, фабриками, а потому и транспортом и складскими помещениями. Огромный, увеличивающийся до бесконечности город может просто перестать быть управляемым. И создатели Генплана пошли по другому пути. Выпуск промышленной продукции должен возрастать за счет реконструкции и технического перевооружения предприятий, повышения производительности труда, эффективности производства и ускорения научно-технического прогресса.

Нам очень дорога забота партии о Москве, о москвичах, о рабочем классе, об условиях нашего труда. В июле нынешнего года, выступая на совместном заседании МГК КПСС и Моссовета, первый секретарь Московского городского комитета партии В. В. Гришин, выражая интересы рабочих столицы, очень правильно говорил: нужно, чтобы все цехи стали

Виктор Иванович Дюжев беседует с ударниками коммунистического труда в своем родном листопрокатном цехе. Слева направо: сварщик стана 300 А. М. Миронов, старший вальцовщик В. Н. Разутов, вальцовщик А. П. Крючков, В. И. Дюжев и старший вальцовщик В. А. Савостьянов.

Фото Б. Кузьмина.

чистыми, светлыми. Необходимо создать на заводах хорошие условия для работы, максимально механизировать их, чтобы каждое московское предприятие стало подлинной лабораторией передового опыта, школой коммунистического труда. Всем людям труда близки эти задачи, и каждый из нас не пожалеет сил для их осуществления.

Наш «Серп и молот» тоже должен подвергнуться реконструкции. Все вредные и грязные производства здесь будут ликвидированы. И это совершенно правильно. В одном из красивейших городов мира и заводы должны быть красивыми, современными не только по оборудованию, но и по архитектуре. Промышленные корпуса, легкие, изящные, утопающие в зелени, органически впишутся в ансамбль окружающих зданий и украсят Москву.

Мне приходилось выезжать за границу. Знакомясь с жизнью чужой страны, чужого города, всегда бывает интересно узнать: а как здесь воспринимают твою страну, твой город — и, таким образом, как бы увидеть близкое тебе сторонним взором. Побывал я с рабочими делегациями в Чехословакии, Польше, Вьетнаме. И, когда люди узнавали, что мы представляем московские заводы, нас принимали с трогательным радушием. Но мы понимали, что это вовсе не из-за каких-то там наших личных качеств, а из уважения наших друзей к Москве, столице Советского Союза.

Интересная встреча была у меня за океаном, в Австралии. Пожилая женщина, клерк крупной страховой компании, русская по национальности, рассказала мне, что долгие годы мечтала побывать в Советском Союзе и показать страну своего детства дочерям.

— Приехав в Москву, я совсем не узнала ее,— говорила моя собеседница.— Похорошела она сказочно! Но мне было очень приятно убедиться, что, став вполне современным городом, Москва сохранила в то же время свое самобытное, песенное очарование. А больше всего я рада тому, что мне удалось познакомить своих детей со столицей мира.

Был у меня разговор и с заокеанским миллионером. Только уже не в Австралии, а в Москве. Приехал этот миллионер к нам по каким-то своим делам и пожелал познакомиться с рабочим. Вот меня и представили ему. Гость сказал, что побывал на Красной площади, в Кремле, в Большом театре и что все это «колоссаль, грандиозно». И тут я пригласил господина капиталиста к себе домой.

Вошли ко мне в квартиру, и миллионер спрашивает: «Откуда вы, мистер Дюжев, берете средства, чтобы оплачивать свое жилище?» И тогда я вспомнил разговор с одним рабочим там, в Австралии. Живет он неплохо, но вот беда: и квартира и мебель — все в кредит. «Как же ты, дружище, с долгами расплатишься?» — недоумевал я. «Да расплачиваться-то придется всю жизнь,— ответил он.— Только бы не заболеть и не потерять работу...» А нам в долги залезать не приходится. И я растолковал миллионеру, что квартиру эту получил бесплатно, что плата за жилплощадь у нас в стране невысокая. Долго мы беседовали за рюмкой коньяка, и убедил я гостя из-за океана в том, что все виденное им у нас — вовсе не коммунистическая пропаганда, а самая что ни на есть реальная действительность...

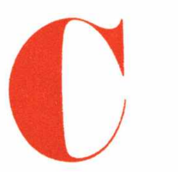
С детских лет и по сей день осталась у меня привычка: люблю бродить по городу. На работу двигаюсь обычно пешим ходом. И теперь уже частенько не один, а с сыном — он пошел по моим стопам, учится в нашем заводском ПТУ на слесаря.

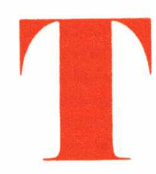
Каждое утро здороваюсь с родным городом и редкий день не замечаю на знакомом маршруте какие-нибудь перемены. Заложили новый дом. Оканчивают строительство кинотеатра. Открылся магазин «Галантерея»... Словом, шагаю я вот так по Москве и не устаю радоваться приметам нового. Уже сейчас, в году 1971-м, ясно вырисовываются контуры Москвы будущей, устремленной ввысь, озаренной единым, великолепным архитектурным замыслом. Замыслом, где есть место и домам, похожим на дворцы, и зеленому половодью садов, и широким транспортным магистралям. А главное, что замысел этот — и в целом и во всех частностях — пронизан заботой о человеке, которому предстоит жить и трудиться в образцовом, коммунистическом городе.

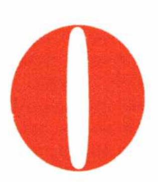

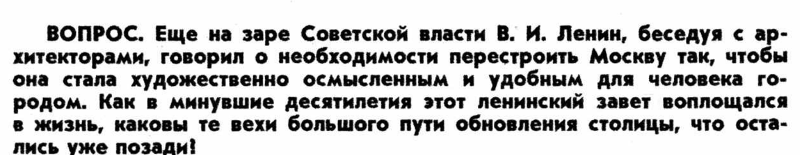
ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

М. ПОСОХИН,
главный архитектор города Москвы,
народный архитектор СССР

ВОПРОС. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин, беседуя с архитекторами, говорил о необходимости перестроить Москву так, чтобы она стала художественно осмысленным и удобным для человека городом. Как в минувшие десятилетия этот ленинский завет воплощался в жизнь, каковы те вехи большого пути обновления столицы, что остались уже позади?

Ответ. Для всех, кто причастен к разработке нового Генерального плана развития Москвы, ленинские заветы являлись и являются главным ориентиром, по ним мы сверяем свои свершения и замыслы. В. И. Ленин сразу же после переезда в Москву поставил вопрос о ее благоустройстве, об улучшении жилищных условий трудящихся. В 1918 году Владимир Ильич, заинтересовавшись разработкой плана строительства Москвы, подчеркивал, что жилище советского человека должно быть прекрасно и удобно устроено, нарядно, красиво. Ленин заботился о создании для жителей города насыщенного кислородом резервуара воздуха, советовал предусмотреть озеленение берегов Москвы-реки, рекомендовал нашим зодчим учесть опыт Лондона с его Гайд-парком, Парижа с его Елисейскими полями и Булонским лесом. Говоря о новом строительстве в Москве, Ленин предупреждал: смело ломая устаревшее, захламляющее город, мешающее его развитию, надо бережно сохранить памятники зодчества.

Все те грандиозные перемены, которые на глазах нашего поколения коренным образом изменили облик столицы, свидетельствуют, как осуществляются указания Ленина. Они, эти указания, нашли и находят свое развитие в практической деятельности московских партийных и советских организаций.

ВОПРОС. Существует ли преемственность между новым Генеральным планом и прежними планами реконструкции Москвы?

Ответ. Самая тесная. Наряду с тем, что новый Генеральный план содержит много нового и идет далеко вперед, все грандиозные замыслы московских зодчих и строителей на ближайшие 25—30 лет зиждутся на прочном фундаменте градостроительных свершений, осуществленных по плану реконструкции Москвы, который был принят в 1935 году. Идеи этого плана при повседневном внимании к Москве со стороны ЦК КПСС и Советского правительства под руководством московской партийной организации воплощены в жизнь. Советские люди по праву гордятся своей столицей, древней и вечно юной, ставшей одним из крупнейших городов мира, с высоким уровнем благоустройства, с многоотраслевым хозяйством.

Я не буду рассказывать, как быстро — за каких-нибудь 30—40 лет — преобразилась дорогая сердцу каждого советского человека наша Москва. Перемены эти явственно зримы, их хорошо знают не только москвичи, но и миллионы их гостей из разных краев страны и из-за рубежа, включая крупнейших зодчих мира, включая виднейших специалистов в области градостроительства. Недавно мы принимали вице-президента Международного союза архитекторов. Он был буквально потрясен тем, что увидел в Москве, и главным образом объемами строительства, широкими магистралями, обилием зелени в городе, построением его жилых районов. Очень красноречивы цифры. Я коснусь лишь последнего десятилетия — 1961—1970 годов. За это время в Москве было введено в эксплуатацию около 36 миллионов квадратных метров жилой площади в благоустроенных домах. Теперь средняя норма жилищной обеспеченности москвичей возросла. Малыши всегда могут рассчитывать на место в детском саду или яслях. В большинстве школ занятия ведутся в одну смену. В разных районах столицы появились новые крупные универмаги, крытые рынки, кинотеатры, столовые, гостиницы, поликлиники. В облик столицы вписались такие здания и сооружения, как Дворец пионеров, Кремлевский Дворец съездов, телевизионный центр с телевизионной башней в Останкине, гостиница «Россия», здание Гидропроекта, крупный комплекс административно-общественных зданий на проспекте Калинина, здание СЭВ, ряд научно-исследовательских институтов и промышленных сооружений.

Появившиеся в последние годы на карте Москвы новые линии метро (сейчас его протяженность достигла 138 километров), мосты, путепроводы, подземные пешеходные переходы, новые проспекты, микрорайоны сделали жизнь в большом городе более удобной.

В 1960 году правительство приняло решение о расширении границ города до Московской кольцевой автодороги. Его территория возросла до 87,5 тысячи га. Одновременно московским организациям было поручено разработать технико-экономические основы нового Генерального плана развития столицы. Эти основы и явились базой того Генплана, что в нынешнем году утвержден ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Он рассчитан до 1990 года с прогнозом на будущее. В нем определены основные направления перспективного развития столицы, создана градостроительная концепция, позволяющая решить комплекс социальных, экономических, технических и эстетических задач, в нем намечены дальнейшие пути формирования нашего города.

ВОПРОС. Составление нового Генплана развития такого города, как Москва,— работа гигантская. Что бы вы считали нужным отметить в ней?

Ответ. Прежде всего широкий охват градостроительных проблем, глубокий научный подход к определению, прогнозированию преобразований, которые позволят создать для москвичей то, что у нас, архитекторов, принято называть «оптимальной жизненной средой».

ВОПРОС. Нельзя ли расшифровать это понятие?

Ответ. Это такая среда, такая организация жизненного пространства, при которой каждый гражданин может:

получить в своем городе профессию и работу ему по душе и быстро и удобно добраться до своей работы или места отдыха;

жить в отдельной квартире, благоустроенном районе, где рядом с его домом находятся предприятия торговли, общественного питания, службы быта, школа, детсад, стадион, кинотеатр;

дышать в городе чистым воздухом;

чувствовать себя гражданином своего города — столицы Советской страны.

Огромная работа была проделана специалистами самых разных профессий — архитекторами, инженерами, экономистами, педагогами, биологами, социологами, статистиками,— чтобы «переработать» и конкретизировать тысячи разных показателей, таблиц, исследований, чтобы сказать, какой в конечном счете должна быть оптимальная жизненная среда и как ее создать. Тома Генплана — тексты, многочисленные карты, схемы, диаграммы, макеты — это ответы на тысячи самых разных вопросов, начиная от такого основополагающего, как пути дальнейшего развития промышленности при почти стабильном числе жителей и неувеличивающейся территории города, и кончая столь буднично-бытовыми вопросами, как, скажем, где построить новую школу, каких магазинов не хватает на той или иной улице...

Генплан рождался в процессе долгих творческих споров, кропотливой работы, многочисленных конкурсов, в которых участвовали крупнейшие советские архитекторы. В ходе многочисленных дискуссий рассматривались самые разные, порой исключающие друг друга точки зрения на решение градостроительных проблем. В частности, споры шли и по самому кардинальному вопросу: каким должен быть центр Москвы? И только после тщательного изучения разных предложений, борьбы мнений мы пришли к принятой в Генплане полицентрической системе формирования системы центра Москвы, определившей в конечном счете идею его планировки, композиции и силуэта.

Столь же бурными были творческие дискуссии, посвященные такой актуальной, всегда привлекавшей внимание общественности проблеме, как старое и новое в архитектуре столицы. Это давний и острый вопрос: рождаются новые кварталы, новый облик города, а как быть с архитектурой старой Москвы, как поступить с тем, что создавалось зодчими минувших веков, да и не только веков, а времен куда более близких к нам, ну, скажем, послевоенных... Мы пришли к твердому

Заседание Градостроительного совета города Москвы. Заседание ведет главный архитектор столицы М. В. Посохин.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ЛИЦА

убеждению, что невозможно представить по-настоящему красивый город, если он не будет иметь архитектурных примет исторических этапов своего развития. Стройность, красота силуэта Москвы немыслимы без того, чтобы архитектурными образами не были бы представлены разные эпохи. Вот, к примеру, высотные здания столицы, построенные в послевоенные годы. Они органично вписались в панораму Москвы и стали своеобразными ориентирами для человека, обозревающего нашу столицу или с высоты Останкинской башни, или со смотровой площадки на Ленинских горах. Имеющиеся в Москве высотные здания и в Генплане занимают достойное место, они стали как бы архитектурными памятниками своего времени.

ВОПРОС. На какие другие важные идеи Генплана вы могли бы указать!

Ответ. Сейчас речь идет о совершенно новом этапе развития Москвы и в связи с этим о решении больших проблем, которые под силу лишь столице социалистического государства с его плановым хозяйством.

Пожалуй, впервые с такой полнотой мы попытались создать архитектурный образ города. Как никогда раньше, московские зодчие смело взялись за решение трудной задачи, которую я бы сформулировал примерно так: «написать» архитектурную «партитуру» дальнейшего построения Москвы с учетом всех социальных, экономических, исторических факторов, с учетом той эстафеты, что передается от одного поколения зодчих к другому.

Если говорить о главной особенности Генплана, то следует прежде всего сказать и о такой трудной задаче, которая была поставлена перед его составителями: перспективы развития Москвы рассматривать во взаимосвязи с развитием городов и населенных пунктов Московской области. В новом Генплане определяются масштабы роста и принципы размещения отраслей народного хозяйства как в Москве, так и в Московской области. Без этого не решить проблемы гармоничного развития нашей столицы. Строго ограничивая дальнейшую концентрацию производств и населения как в столице, так и в ближайшей к ней зоне, Генплан предусматривает преимущественное промышленное развитие городов, не примыкающих к Москве, а более отдаленных от нее. Вся территория Москвы и области в градостроительном отношении разделяется на две планировочные зоны: Москва с ее пригородами, с прилегающими к ней землями радиусом в 50—60 километров от границы города — здесь дальнейшая концентрация производительных сил ограничена; и внешняя зона Московской области в радиусе 100—120 километров от границы города — здесь-то и должно наращиваться промышленное строительство. При этом роль своеобразной преграды играет лесопарковый защитный пояс столицы. Он призван создать вокруг столицы непрерывную зону мало застроенных и вовсе не застроенных зеленых территорий, равномерно окружающих город. Они-то и должны предотвратить его сращивание с тяготеющими к нему городами области. Лесозащитный пояс одновременно становится гигантским резервуаром чистого воздуха для москвичей, органически связывая городской и природный ландшафт.

ВОПРОС. Основным градообразующим фактором, выражаясь языком градостроителей, является развитие промышленности. Но оно требует и территории и кадров...

Ответ. Одна из характернейших особенностей Генплана, коренным образом отличающая его от западных теорий развития капиталистических столиц, в том и заключена, что **Москва будет расти, не расширяясь территориально, не увеличивая, а в ряде отраслей даже снижая число работающих.** Строжайшее требование Генплана: в Москве и лесопарковом защитном поясе не должны строиться новые и расширяться действующие заводы, фабрики, научные, проектные институты, вузы. Исключение из этого правила допускается лишь для предприятий, непосредственно обслуживающих нужды города, удовлетворяющих потребности населения.

ВОПРОС. За счет чего будет развиваться экономика города, являющегося крупнейшим промышленным центром страны!

Ответ. За счет реконструкции и перевооружения предприятий, внедрения новейших достижений науки и техники, прогрессивной технологии. Устаревшее оборудование будет заменено высокопроизводительными станками и машинами. Одновременно улучшатся и условия труда, что позволит значительно повысить его производительность, эффективность производства.

Хочу обратить ваше внимание еще на одно важное направление: московская промышленность будет специализироваться на точном машиностроении и приборостроении и на выпуске высококачественных товаров народного потребления. Значит, преимущественно будут развиваться те отрасли промышленности, которые потребуют рабочих особо высокой квалификации.

Не могут рассчитывать на расширение, реконструкцию те заводы и фабрики, которые потребляют значительное количество воды, топлива, электроэнергии, которые, кроме того, не лучшим образом влияют на баланс чистого воздуха, чистоту водоемов. Многим предприятиям, видимо, придется перебазироваться в другие районы области и даже в другие края страны. Вопрос этот трудный, возникает много сложностей, включая и психологические. Но что делать! Придется эти сложности преодолеть.

Предстоит дальнейшая специализация и кооперирование родственных предприятий. В Москве намечается создать примерно 65 производственных зон. Это позволит сосредоточить производство продукции преимущественно на крупных специализированных предприятиях, расположенных в едином комплексе. В этих же зонах предусматривается строительство и предприятий службы быта, способных полностью удовлетворять культурно-бытовые запросы всех работающих тут. В зоне или поблизости от нее, если это целесообразно, разместятся научные, проектные институты, вузы, связанные с заводами или фабриками, которые сгруппируются по «родственному» принципу.

Намечаемая реконструкция заводов и фабрик предусматривает некоторое сокращение числа работающих в промышленности при росте кадров в сфере обслуживания.

И уж коль скоро мы повели разговор о промышленности, о ее реконструкции, я хотел бы привлечь внимание читателей еще к одной важной проблеме. До сих пор, к сожалению, завод, фабрика, институт не всегда являлись хорошим компонентом архитектуры города. Мы закрывали глаза на уродливые здания больших научных институтов, заводских корпусов, глядевших на улицы и проспекты своими серыми, невыразительными коробками. Генплан по-новому и очень решительно ставит этот вопрос. Архитектура промышленного предприятия должна вписываться в архитектуру города, его района, микрорайона. Модернизация промышленности должна проходить в строгом соответствии с замыслами зодчих, при их активном участии. Уже есть хорошие примеры, заслуживающие подражания. Я имею в виду новый завод малолитражных автомобилей — вот пример внимания к промышленной архитектуре.

ВОПРОС. На какой же территории раскинется наша столица и сколько в ней будет жителей!

Ответ. Генплан в пределах расчетного срока, то есть 25—30 лет, устанавливает постоянную территорию города на 87,5 тысячи гектаров. Здесь будут жить 7,5 миллиона человек, а если учесть Зеленоград и населенные пункты лесозащитной полосы,— 8 миллионов. Такое градостроительное решение — стабилизация территории и населения — по плечу лишь столице социалистического государства. В этом ее коренное отличие от столиц капиталистических стран, где, по существу, не управляем процесс их непрерывного разрастания со всеми вытекающими отсюда отрицательными явлениями.

ВОПРОС. Уже отмечалась важная особенность Генплана — гармоничность и комплексность развития Москвы. Как будет обеспечиваться взаимосвязь ее жилых массивов, производственных зон, городского центра, мест отдыха москвичей?

Ответ. Предусматривается разделение столицы на восемь комплексных планировочных зон, в каждой из которых будут жить от шестисот тысяч до миллиона человек, в каждой из которых обеспечиваются хорошо сбалансированные условия для труда, быта, отдыха.

Если москвичу это удобно, он может работать на предприятии или в учреждении, расположенном на территории зоны. Здесь же имеется все, что принято называть службой быта. Не покидая зоны, он может заняться спортом. К его услугам — близлежащие места отдыха, свой парк на базе одного из «зеленых клиньев». В зоне — общественный центр со своими архитектурными ансамблями, культурно-бытовыми зданиями, торговлей, главными радиальными магистралями. Такая полицентрическая планировка Москвы будет активизировать строительство общегородских объектов за пределами Садового кольца и как бы способствовать приближению городского центра к отдаленным районам.

ВОПРОС. А не приведет ли такая планировка к созданию не связанных воедино «архитектурных княжеств»?

Ответ. Нет. Связь и распределение функций отдельных зон сохранится и улучшится. Этому поможет уникальная особенность структуры Москвы, сложившаяся на протяжении веков,—радиально-кольцевая планировка, улучшаемая современными архитектурными сооружениями. Она обеспечит удобную связь всех районов с центром и между собой.

Я сказал, что Москва разделена на восемь планировочных зон, но одна из них будет значительно отличаться от семи своих «сестер». Она охватывает исторически сложившуюся часть столицы: Кремль, Красную площадь и все, что вокруг них, до Садового кольца. Это ансамбли архитектурных памятников, комплексы правительственных учреждений, театры, музеи, выставочные залы. И тут возникает одна из сложнейших градостроительных проблем — создание архитектурно-пространственного единства всего города, выявление того, что определяет архитектурное лицо Москвы. Таким фактором явится система центра города. Я подчеркиваю — **система.** Ибо речь идет именно о системе, включающей центральное ядро Москвы в пределах Садового кольца и семь центров вновь создаваемых планировочных зон.

Взамен ранее существовавшего одного центра, уже неспособного выполнять все свои функции в условиях быстро растущего большого города, появится своеобразное созвездие архитектурных ансамблей, наиболее выразительных зданий, в том числе и высотных (более 16 этажей).

Изменится лик площадей — имени Свердлова, Революции, Пушкинской, всех площадей на Бульварном и Садовом кольце, завершится застройка четырнадцати радиальных проспектов столицы, в частности Ленинского, Мира, Калининского, Кутузовского, Ленинградского.

ВОПРОС. Как будет решаться такая важнейшая социальная градостроительная задача, как жилищное строительство?

Ответ. Улучшению жилищных условий москвичей партия и правительство уделяли и уделяют огромное внимание. За последние годы столица ежегодно получала свыше 3,7 миллиона квадратных метров жилой площади. Строительство новых домов будет вестись с таким размахом, чтобы к расчетному сроку все московские семьи имели отдельные квартиры с количеством комнат, соответствующим числу взрослых членов семьи. Чтобы достигнуть такого рубежа, московским строителям придется построить новые дома площадью не менее 40 миллионов квадратных метров.

ВОПРОС. Французский архитектор Мишель Рагон утверждает, будто современные зодчие, «задавленные» индустриальными темпами постройки жилищ, не смогут добиться индивидуализации облика жилых кварталов.

Ответ. Советские зодчие активно работают над этой проблемой, и они опровергнут эту пессимистическую гипотезу. Они уже практически доказывают, что можно избежать серости, однообразия и при индустриальных методах строительства жилых кварталов больших городов. Однако нельзя не отметить, что и наши зодчие, архитектурная общественность, все советские люди озабочены этой проблемой — многие жилые кварталы да и целые районы новой застройки удивительно похожи друг на друга: одинаковые типы домов, одинаковые планировочные решения. Может ли в наши дни осуществляться грандиозная программа жилищного строительства без применения того, что называется стандартом в лучшем смысле этого слова? Конечно, нет. Но, не отказываясь от индустриализации строительства, его типизации, московские архитекторы нашли такое решение, которое поможет нам в борьбе с однообразием жилых кварталов в районах массовой застройки. Я имею в виду производство сборных унифицированных конструкций по единому каталогу. **Основой типизации становятся не дом, а его детали, индустриальные изделия.** Умело, творчески варьируя их, архитекторы смогут уйти от шаблона, монотонности, а строители получат возможность создавать жилые кварталы из домов, похожих лишь по степени удобств, совершенству деталей, но различной этажности, разнообразных по архитектуре, по своим объемно-пространственным характеристикам, планировочным решениям, учитывающим особенности застраиваемых участков, микроландшафт — рощу, склон, холм, водоем. В руках талантливого архитектора эти типовые детали, элементы домов, квартиры при умелом использовании красивых, практичных отделочных материалов становятся богатейшей палитрой «пластических красок». Перед ним открываются большие возможности творить, создавать многообразие запоминающихся жилых комплексов, решать сложные эстетические и композиционные задачи.

В Москве будут, как правило, строиться дома в 9—16 этажей, а там, где это необходимо с точки зрения градостроителей, где это экономически оправдано, поднимутся дома и значительно выше 16 этажей.

ВОПРОС. Удобная квартира в красивом доме, видимо, еще не решает всех многообразных проблем быта горожанина?

Ответ. Комплексность застройки — один из важнейших принципов Генплана. Одновременно, я подчеркиваю, одновременно с жилыми домами должны строиться все запланированные здания культурно-бытового и коммунального назначения: школы, детские сады, ясли, больницы, кафе, рестораны, магазины.

Сеть розничной торговли расширится почти в два раза, предприятий и учреждений коммунально-бытового обслуживания — в два-два с половиной раза. Гостиничный фонд Москвы увеличится почти вчетверо. Хочу подчеркнуть одну деталь: наши расчеты, касающиеся развития торговли, общественного питания, транспорта, культурно-бытовых учреждений, учитывают не только жителей столицы, но и ее гостей, туристов, командированных.

В общественных центрах планировочных зон будут построены новые клубы, театры, кино-концертные залы. Особое внимание уделено запросам молодежи. В Москве возведут крупный Дворец молодежи. Намечено построить около 25 больших физкультурных комплексов. В районе площади Коммуны планируется сооружение универсального спортивного зала на 40 тысяч мест. Тут будут проходить и футбольные матчи и состязания пловцов, теннисистов, легкоатлетов, боксеров...

ВОПРОС. Как известно, одна из главных основ жизнедеятельности большого города — это транспорт. Каким он будет в Москве?

Ответ. Москва — это не только один из крупнейших городов мира, но и перекресток многих и многих дорог. Разработана и утверждена комплексная схема развития метрополитена, автомобильных трасс, железнодорожного, воздушного и водного транспорта Москвы и Московской области. При этом поставлена цель, чтобы москвичи тратили максимум 30—35 минут на переезд от места жительства до работы. Исторически сложившаяся радиально-кольцевая система городских улиц совершенствуется и взаимодействует с прямоугольной сетью мощных скоростных автомобильных дорог. Они пойдут в обход центра, снимут здесь транзитные потоки, разгрузят Садовое кольцо, обеспечат удобные выезды автомобилей на загородные шоссе. Замечу попутно, что в расчетный период парк легковых автомобилей в Москве возрастет до восьмисот тысяч — одного миллиона машин. И в этой связи резервируются территории для строительства наземных и подземных гаражей, а около 70 новых подземных переходов позволят водителям развивать более высокую скорость на специальных магистралях. Но вся тяжесть перевозки москвичей ляжет, конечно, на массовый общественный транспорт. Протяженность линий метро к концу расчетного срока достигнет 320 километров, а в перспективе — до 450. В местах пересечения метро и железных дорог предусматриваются удобные пересадочные узлы и конечные станции троллейбусов, автобусов — протяженность их линий увеличится в два раза.

Бурное развитие внутригородского транспорта потребует строительства новых мостов, переходов, путепроводов. Мосты перекинутся через реки Москву, Яузу, Сетунь, в частности, будут построены мосты через реку Москву по трассе скоростной дороги в районе Лужников, в районах Красной Пресни, Щукина, Серебряного бора. Создаются дополнительные кольцевые магистрали. Большие перемены ждут и воздушные ворота столицы и речные дороги. С появлением судов, предназначенных и для речного и для морского плавания, из Московского порта можно будет проследовать на курорты Крыма, Кавказа, Прибалтики... Впрочем, и под Москвой будет достаточно прекрасных мест для отдыха. В Генплане большой раздел посвящен озеленению, отдыху населения. Тут и леса, и парки, и огромные водоемы, и строительство пансионатов, домов отдыха, санаториев, туристских баз...

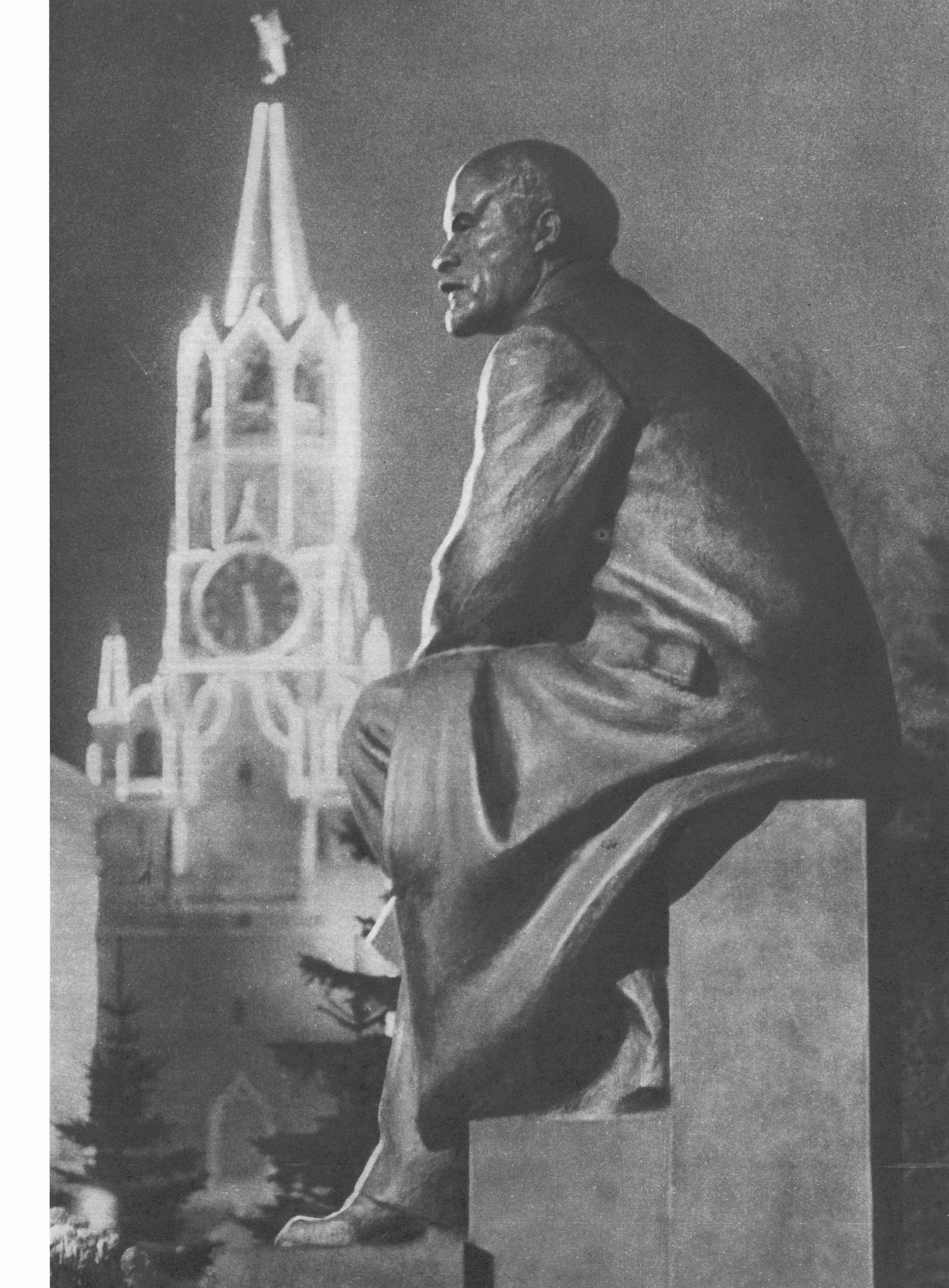
Генеральный план развития Москвы — еще одно проявление заботы партии о благе советского человека, заботы о будущем столицы СССР, в облике которой должны найти еще более яркое отражение прогрессивные идеи нашего общества, социальный и научный прогресс Советского государства. Этот исторический документ вызывает огромный интерес не только у советских граждан, но и у прогрессивных людей всего мира, у самых разных по своим мировоззрениям зодчих, градостроителей, мэров городов. Я сравнительно недавно вернулся из Хельсинки, где проходила встреча представителей породненных городов. Мне было поручено выступить там с докладом о Генеральном плане развития Москвы. После доклада многие архитекторы, мэры городов проявили огромный интерес к Генплану. Зарубежные коллеги, среди которых видные зодчие Европы и Азии, находят в нем много поучительного. И в первую очередь их внимание было привлечено к социальным аспектам Генплана столицы социалистического государства. Известно, что ныне весь мир озабочен судьбой биосферы. Вода, воздух, зелень — можно ли уберечь их от стремительной поступи атомного века? И я наблюдал, как привлекает внимание та часть Генплана, в которой сформулированы решения этих волнующих все человечество проблем, решения, доступные лишь социалистическому государству. Тут и системы озеленения, и лесопарковый защитный пояс, и водоочистные сооружения, и водорегулирующие и водоохранные насаждения, применение более прогрессивного топлива, и сам принцип строительства гигантских «фабрик чистого воздуха».

Столь же большой интерес у наших зарубежных коллег вызвало комплексное решение проблем транспорта. Они понимают, что все это очень разумно, что все это на пользу человеку, но установление такой тесной взаимосвязи разных видов транспорта под силу лишь государству, в котором нет частной собственности, где все хозяйство строится на принципах социалистической плановости.

Нам, советским зодчим, приятно отметить, что Генплан оказывает немалое влияние и на развитие мировой архитектурной мысли.

Москва — столица нашей Родины, она близка и дорога всем советским людям. Осуществление Генплана — дело всенародное. И мы заранее благодарим всех москвичей и всех тех, кто живет далеко и недалеко от Москвы, но принимает активное участие в грандиозной реконструкции великого города.

Памятник В. И. Ленину в Кремле. ▶
Фото Л. Бородулина.

Монумент в честь выдающихся достижений советского народа в освоении космоса.

Фото А. Бочинина.

ДОМ

«А ЧТО ТАКОЕ ГЕНПЛАН?»

В последнее время я часто читал в газетах, слышал по радио про Генплан, план изменения облика Москвы, план ее похорошения. План этот для каждого из нас, «наш план». Так понимаю его я да и многие мои товарищи.

Но вот как-то мой сын Юра — он скоро в школу пойдет — спросил: «Папа, а что такое Генплан?» Я вроде бы и растерялся, не смог объяснить и сказал так: это большая книга, чертежи, схемы — все о будущем нашей Москвы, о городе, в котором тебе и твоим сверстникам жить. Но каким станет город, в котором жить и работать нашим детям, не рассказал. Может, это дело возьмет на себя «Огонек» и расскажет им, всем тем, кому в 2000 году будет 30—35 лет,— какой она будет, Москва?

Б. Корсаков, рабочий автозавода имени Лихачева.

Корреспонденты «Огонька» попытались в какой-то мере выполнить просьбу рабочего автозавода.

Итак, репортаж из Москвы двухтысячного года, из дома, где живет, с завода, где работает семья потомственного автозаводца... Пусть это будет семья, глава которой носит самую распространенную в Москве фамилию — Иван Иванович Иванов: сегодня его зовут просто Ваня, Ванюша, он сверстник и соратник по ребячьим играм Юры Корсакова, любознательного парнишки, пожелавшего получить от отца ответ на вопрос: «А что такое Генплан?»

В ГОРОДЕ 2000 ГОДА НАМ ПОМОГЛИ ПОБЫВАТЬ АРХИТЕКТОРЫ ИНСТИТУТОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА МОСКВЫ И ТИПОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И НАЧАЛЬНИК ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ АВТОЗАВОДА ИМЕНИ ЛИХАЧЕВА А. И. СМИРНОВ.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» К. БАРЫКИН, Н. БЫКОВ, Ю. КРИВОНОСОВ ПОБЫВАЛИ НА СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЛОЩАДКАХ, В МАСТЕРСКИХ АРХИТЕКТОРОВ, НА ВЫСТАВКЕ, РАССКАЗЫВАЮЩЕЙ О ГЕНПЛАНЕ, НА УЛИЦАХ И ПЛОЩАДЯХ МОСКВЫ, ПОЛЬЗОВАЛИСЬ МАТЕРИАЛАМИ ГЕНПЛАНА НАШЕЙ СТОЛИЦЫ.

●

...Это все-таки здорово — открывать окно в небо... Иван Иванович никак не может привыкнуть к тому, что это обычно, хотя и живет тут уже второй год. Он был совсем маленьким, когда отец взял его на Останкинскую башню. Они подошли к окну смотровой площадки и долго стояли, завороженные: дух захватывало. Высота!

А сейчас Иван Иванович каждое утро может запросто подойти к окну своей квартиры и, распахнув окно, почувствовать: до неба рукой подать! 29-й этаж. И телевизионную башню отсюда видно хорошо — вон она, в другом конце города.

Сверху весь район как на ладони, только справа такие же дома немного перекрывают новостройки на северо-западе. А все остальное — любуйся! От одного чертановского края до другого чертановского края — семь с половиной километров. Город в городе.

Стоят дома-паруса, подставившие свои широкие фасады легкому, напоенному кислородом бризу. Раньше близ Чертанова был Битцевский парк. Теперь он разросся и подошел к домам. Большие зеленые клинья вписались в

РЕПОРТАЖ ИЗ ДВУХТЫСЯЧНОГО...

В КОТОРОМ Я ЖИВУ...

жилые кварталы. Зелень на земле дополняют цветники на иных крышах и многих балконах. В некоторых домах для таких «садов» имеются даже специальные этажи. Этажи с холлами, телесалонами и цветниками, своеобразные сады внутри дома...

...Иван Иванович вспомнил читанные несколько лет назад строки. Известный архитектор Ле Корбюзье писал: «Жилища — прежде всего. Жилища — главная забота градостроителей. В моих странствиях я пришел к печальному выводу: человек нашего времени потерял свое жилище, нарушив тем самым основное правило жизни. У человека нет больше жилища...»

Может быть, на Западе так оно и есть.

А что касается Москвы, то о ней такого не скажешь! Море белокаменных домов привольно разлилось по чертановским холмам и пригорьям. Вернулся в Москву 2000 года изначальный смысл давнего эпитета — белокаменная! Чертановское многодомье привлекательно и тем, что сорок из нескольких сотен его гектаров отведены образцовому перспективному жилому району. Это комплекс, решивший главную задачу — где жить человеку, как наиболее полно удовлетворить его бытовые и духовные потребности. Кажется, все тут учтено, все предусмотрено. Весь этот жилой район решен как единый архитектурно-планировочный комплекс.

С чего прежде начинались новые дома? Под строительство выравнивалась площадка, все вокруг нивелировалось, утрамбовывалось в одной плоскости. А живописность чертановского ландшафта сохранилась почти полностью. Строители шли по рельефу, сберегая пластику природы, умно ее используя. Серпантины, бассейны, кустарник создали единую архитектурную ткань, без которой, вообще-то говоря, понятие «жилье» неполно. В складках местности укрылись и гаражи — подземные, не занимающие драгоценную площадь.

По утрам легкий ветер доносит в жилые кварталы еще и капельки воды.

Вода в Чертанове? В районе, где раньше был всего-навсего один, бог весть когда пересохший ручей, две хилые речушки,— Котловка да Чертановка, которые и реками-то не назовешь? Но не пристало району быть без своих водоемов, рассудили архитекторы и вкрапили в жилые массивы бассейны, фонтаны, каскады. Здесь, в районе Чертановки, теперь своя зона отдыха, с пляжами, лодочными станциями.

И все рядом. Комплексная система обслуживания позволяет удовлетворять все потребности живущих тут — и сиюминутные, повседневные, и периодические. Район вроде бы в стороне, и в то же время за считанные минуты на метро попадаешь в центр Москвы.

...Когда Иван Иванович выбирал квартиру, он попросил, чтобы окна выходили на тополиную аллею. А квартиры распределяла ЭВМ. Закладываешь в нее программу — «нас четверо», немного информации о вкусах, пожеланиях. Но если на математическое «четверо» машина реагирует достаточно точно — на четыре человека четырехкомнатную квартиру, то с эмоциями она не всегда считается, не научилась еще.

А вообще-то квартира отличная. Лоджия, антресоли, очень удобные встроенные шкафы. Первый этаж дома не заселен, нет там квартир. Лишь кладовые, помещения для хранения детских колясок, велосипедов, спортивного инвентаря. Есть и прачечные комнаты — если хочешь, приходи, стирай. Есть комнаты-мастерские — с верстаками, со станками, с запасами материалов. Можно поремесленничать — и по столярной части поработать и из металла что выточить...

Понятие «жилище», по сути, не замыкается в четкие границы, оно, жилище, вышло за двери квартиры и дома — в эти вот зеленые моря вышло, в моря, «омывающие» заселенное побережье. Сеть обслуживания, расположившиеся неподалеку сервисные службы, сделавшие жизнь удобнее, освободившие от многих домашних забот, словно бы раздвинули границы квартиры, вместили многое из того, что окружает дом...

Строиться район начал в 1968—1970 годы. Уже тогда градостроители заложили в его проект принцип, характерный прежде всего для Чертанова: тут стали возводить дома по 10—12 секций. Стоит такой вытянутый на десятки метров дом, и в окна его врывается свежий лесной воздух, проникающий в каждый уголок квартиры.

А справа от Варшавского шоссе высится несколько домов по 35—40 этажей.

Таково Чертаново 2000 года, прекрасная оправа для драгоценного камня, каким является образцовый перспективный жилой район. Он очень интересен архитектурно, он решает многие проблемы, стоящие перед градостроителями...

Образцовый район — он тут главный. В нем опробованы и получили одобрение дома, как те, что выстроились вдоль главной магистрали района, ведущей от Кольцевой в центр города, почти к Кремлю.

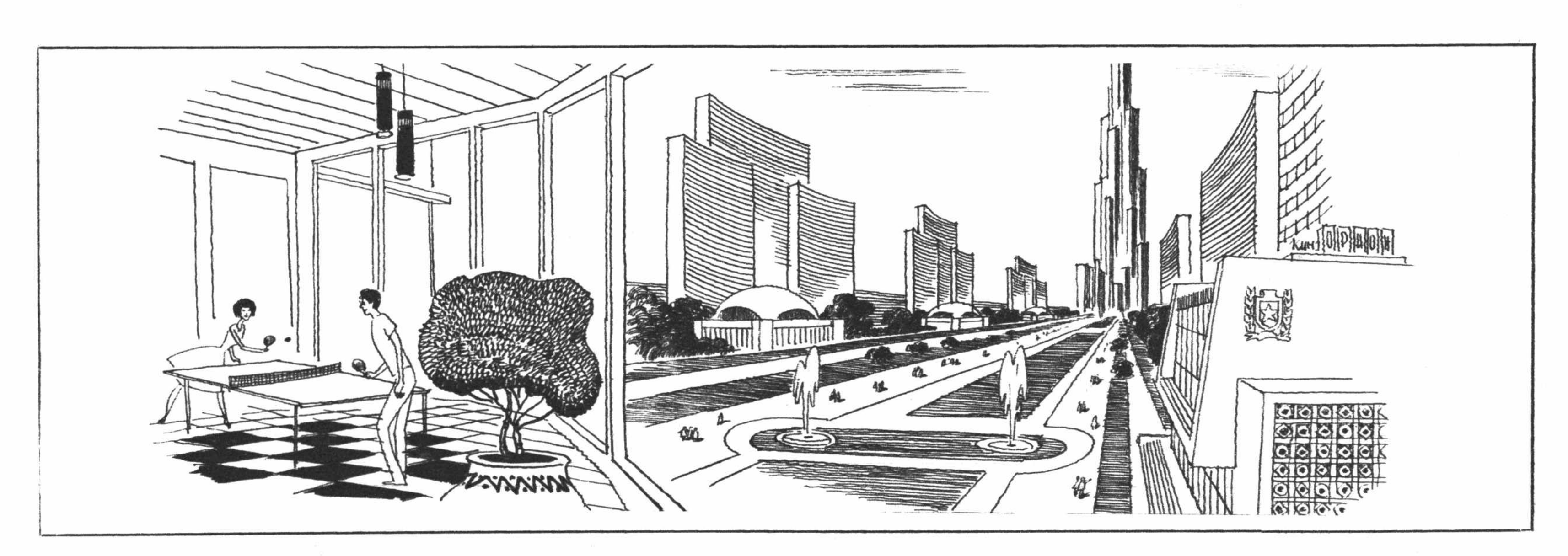
Образцовый жилой район занимает гектары территории Чертаново-Северное. Строительство здесь велось в 1972—1975 годах. От городского шума, от пыли район этот надежно и красиво отгорожен галереями деревьев. Но не только они стоят на страже тишины. Дороги и тротуары имеют скрадывающие шум, да к тому же гигиенические покрытия.

Говорят, что в давние времена жить в Чертанове было неудобно. В кино пойти — не пойти, а поехать: пока-то доберешься до кинотеатра. Сейчас их здесь несколько. Можно заглянуть в районный Дом пионеров, попасть на спектакль филиала Малого театра, побывать в музее...

А покупки, которые стали теперь такими необременительными! Неподалеку от перспективного района есть даже свой Столешников. Только не переулок, а улица. Так в прошлом кто-то из проектантов, работая над макетами и чертежами, то ли в шутку, то ли всерьез назвал эту улицу. Ее потому назвали Столешниковой, что на всем километровом протяжении стоят только торговые здания. Универсамы, универмаг побольше «Москвы», что на Ленинском проспекте. Еще одна интересная новостройка торговли и обслуживания — «сервис-бюро». Это удобно связанные с жильем дорогами и транспортными тоннелями помещения столов-заказов. Поставили и автоматы — идешь поздно, когда магазины уже закрыты, опустил монету и получил пакет молока, коробочку заботливо нарезанной колбасы.

...Скоростная магистраль набирает ритм и темп у самого въезда в город. По ней можно мчаться почти до центра. Впрочем, есть и несколько съездов, один из них — к ЗИЛу. Чертаново и Волхонка-ЗИЛ связаны с заводом нерасторжимыми узами. Вроде бы и не так близок завод, а ехать к нему теперь удобно и быстро. Метро проложено давно, им и сейчас пользуются охотно. Одна из веток метро подошла своей платформой почти к проходной завода. Открыто несколько автобусных маршрутов. Называют их «подъезд — подъезд». От подъезда дома до подъезда завода. Скоростные экспресс-маршруты...

...Недавно «Вечерка» опубликовала цветные снимки из фотоархива. «Варшавское шоссе, год 1971-й». А рядом — нынешняя Варшавка, дорога больших скоростей. Сохранил газету Иван Иванович — интересно же посмотреть, вспомнить, как жили 30 лет назад, когда он был совсем маленьким...

1919 год. В. И. Ленин с группой командиров обходит фронт войск Всевобуча на Красной площади. Москва.

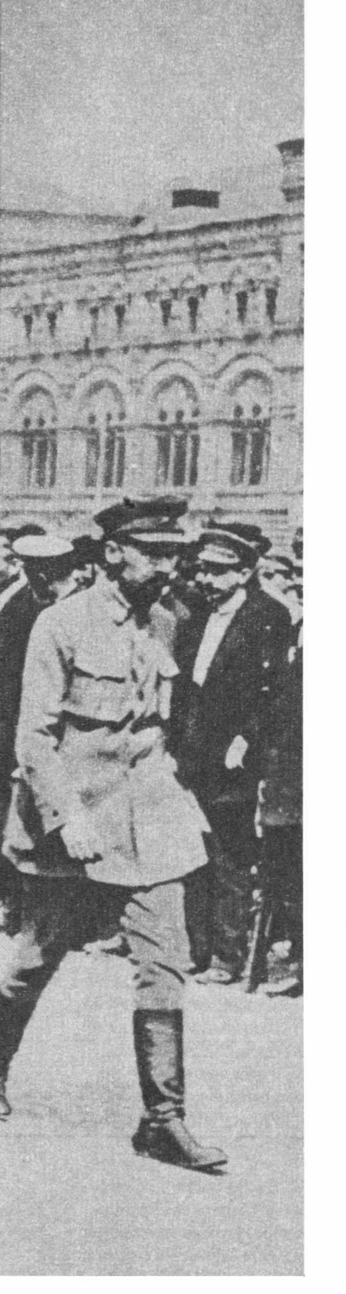
ГЛАВНАЯ ПЛО

А. М. Васнецов. Красная площадь в Москве в конце XVII века.

Москва. Красная площадь
7 ноября 1941 года.
Фото Дм. Бальтерманца.

Сюда приходят в будни, и в дни торжеств, и в годину печали. Об этой площади очень точно сказал поэт Николай Тихонов: «Красная площадь как будто поднята над Советской страной, в центре столицы, и все, что на ней происходит, далеко видно, и с нее хорошо видно, что делается в самом далеком далеке».

Здесь, на подходах к Красной площади, затихает немолчный шум великой столицы. Кажется, что само время, стремительное и бурное, проходит по широкому простору этой московской площади торжественно-замедленным шагом.

Главная площадь страны помнит все. Помнит пламенную речь Владимира Ильича Ленина, зовущую к борьбе за жизнь молодой Советской республики. Помнит раннее снежное утро небывалого военного парада 1941-го и ликование и торжество Победы.

Помнит она и хранит отголоски многолюдных демонстраций, к которым прислушивается весь огромный мир, и взволнованные голоса пионеров, дающих клятву быть верными ленинцами.

У древних стен Московского Кремля покоятся те, кто отдал жизнь за революцию, за великое счастье человеческое — жить и творить на земле советской.

Бесконечен людской поток, что течет к Мавзолею В. И. Ленина через русло кремлевского проезда.

В полночь, когда затихает Москва, далеко по всему миру разносится перезвон курантов и спокойная и величавая мелодия гимна страны, устремленной всеми помыслами и делами своими в коммунистическое грядущее.

Москва. Красная площадь. 7 ноября 1971 года.

Прием в пионеры на Красной площади.
Фото Г. Макарова.

ЩАДЬ

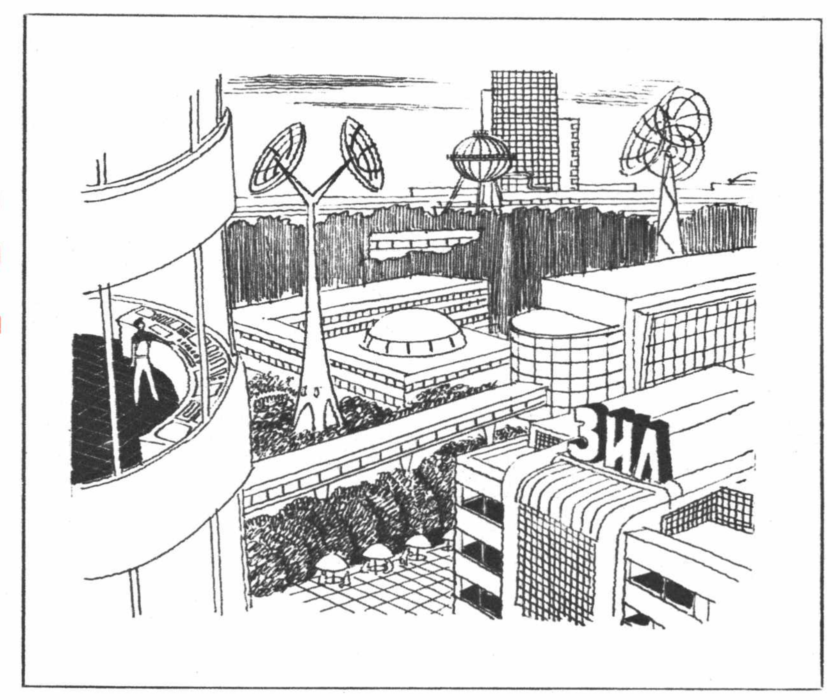

РЕПОРТАЖ ИЗ ДВУХТЫСЯЧНОГО...

ЗДЕСЬ ТЕБЕ РАБОТАТЬ

...Откуда-то из дальней дали выплыло неясное ощущение радостной легкости, заставившее Ивана Ивановича широко улыбнуться. Потянув за кончик еле уловимую ниточку памяти, он в конце концов добрался до первоисточника. Ну да, конечно, из далекого детства пришло это чувство ясного осеннего утра. И вызвал его широкий витраж, на котором вдруг звонко сверкнул на солнце золотистый вензель проходной ЗИЛа. Тогда, в детстве, Ваня обычно окончательно просыпался перед похожей на сегодняшнюю проходную станцией метро. Каждое утро отец отвозил его в заводской детский сад, находившийся от ЗИЛа за три квартала. Теперь проще — детсады «ничьи». Все они находятся в ведении одной организации и имеются в каждом квартале. Ребятишек никуда водить, а тем более возить не надо. Вот и сейчас — вывел Вовку из дома, поцеловал на дорогу, и пятилетний москвич сам потопал в садик, благо что внутри кварталов движение всех видов транспорта давным-давно запрещено.

Ивану Ивановичу каждый день доставляет радость подходить к заводской проходной. Здесь завершается его ежеутренняя пешая прогулка: от автобусной остановки до завода—несколько минут ходьбы улицей-бульваром, который продолжается и за проходной; широкие внутризаводские магистрали обсажены фруктовыми деревьями, и везде, куда ни глянешь, цветы. Проходная потеряла прежнюю функцию. Ныне она скорее символ завода, дающий людям прежнее ощущение сопричастности с большим трудовым коллективом.

Проходная — она вписалась в архитектурный ансамбль улицы — соединена эскалаторами со станцией метро и подземным переходом, с остановкой электробуса, постепенно заменяющего другие виды наземного общественного транспорта. Город начал избавляться от выхлопных газов, от путаницы проводов над улицами. До цеха Иван Иванович едет — расстояние немалое. Прежде отец тоже ездил на внутризаводском автобусе.

...В широко распахнутые ворота цехов один за другим въезжают большегрузные трайлеры. По номерам машин можно безошибочно определить, из какого города они пришли, что везут. Трайлеры связывают завод с его филиалами. Теперь это большие предприятия: в Рязани стали делать поковки, в Рославле — специализированные нормали, в Ярцеве — чугунное, а в Мценске — стальное и алюминиевое литье. На базе филиалов развились производства механической обработки, сборка отдельных узлов и агрегатов.

В Москве же, на «старом» ЗИЛе, осталась сборка такой крупной продукции, как кузова, моторы, ну и, конечно, окончательная сборка всего автомобиля. Такова судьба не только одного ЗИЛа, обновленного, реконструированного.

...Иван Иванович сошел с автобуса, скользнул взглядом по голубоватому стеклу главного сборочного корпуса и подумал: до чего же огромен наш ЗИЛ, город в городе! И вспомнился ему разговор, опять же пришедший из детства.

Лет восемь было ему, когда он услыхал слово «Генплан» и спросил отца, что это такое. Отец долго рассказывал про будущее Москвы, про завтрашний день ЗИЛа. Ваня внимательно слушал его и вдруг спросил:

— А зачем в городе заводы? Взять их да все и увезти...

Отец засмеялся и стал растолковывать, что все на свете держится на заводах и фабриках.

— Это, Ваня, стерженек, вокруг которого вся жизнь города крутится. Вот так... Не будет заводов, значит, и городу никому не нужен. Чем бы тогда люди в нем занимались?

...И вот Иван Иванович, как и его отец, занимается тем, что делает автомобили, только теперь завод выпускает их в несколько раз больше, чем прежде. И не завод он, по существу, а объединение, включающее в себя иногородние филиалы. Количество рабочих на ЗИЛе осталось почти неизменным, да и территория в общем та же, но сплошная автоматизация, техническое перевооружение позволили резко повысить производительность труда. Сейчас уже на ЗИЛе с улыбкой вспоминают те две сотни автоматических линий, что работали в цехах в начале семидесятых годов, когда началась большая реконструкция ЗИЛа. Тогда же и наметился новый подход к такой, казалось, второстепенной проблеме, как бытовки. Во-первых, они уже и в ту пору значительно увеличились, был построен третий механосборочный цех, в котором на пятьдесят семь тысяч квадратных метров производственных площадей приходилось восемнадцать тысяч для бытовых помещений. Они включали столовую, раздевалки, душевые, читальный зал...

Но теперь дело не только в площадях для бытовок, характер их «обязанностей» изменился, точнее сказать, расширился.

...Иван Иванович прошел через вестибюль и поднялся по эскалатору на второй этаж, в раздевалку. На правой дверце его блока—двойного шкафчика, в специальном кармашке, лежал конверт с билетами в театр, заказанными вчера через бюро обслуживания—оно тут же, в бытовом корпусе. Все уже к нему настолько привыкли, что даже забыли про городские агентства, аккуратно, быстро выполняющие заявки на билеты в театры, на самолет или поезд. В заводском бюро обслуживания можно заказать и торт и цветы, если вы собрались в гости. И то и другое будет свежайшее — торт испекут в заводской кондитерской, а цветы срежут в своей же оранжерее за полчаса до окончания рабочего дня. И делается все это очень легко — надо заполнить листок и пометить на нем свой табельный номер. Часть людей, освободившихся в результате автоматизации производства, перешла в эту службу заводского сервиса.

Иван Иванович переоделся в синюю спецовку, хранящуюся в левом шкафчике, повесил свою одежду в правый и вложил в дверной кармашек записку с просьбой отутюжить костюм и почистить ботинки.

...До начала смены остается несколько минут, и Иван Иванович успевает обсудить со своими коллегами ход вчерашнего хоккейного матча между сборными СССР и Бразилии, в котором особенно отличились капитаны обеих команд, потомки прославленных спортсменов — внук Пеле и внук штангиста Алексеева.

Цех встретил Ивана Ивановича чуть слышным гудением механизмов, плавным движением линий транспортеров, которые, словно пчелы в улей, несли свой железный взяток на главный конвейер. Рамы на глазах обрастали мостами, моторами, кузовами. Откуда-то из-под пола выскакивали готовые колеса и становились на свои места. И тут же сами собой подскакивали к ним гайковерты и накрепко их привертывали. А где-то вдали, в самом конце длиннейшего цеха, уже фыркали, съезжая с конвейера, готовые автомашины.

Но в цеху не было шумно, потому что звуки улетали к высоченному потолку и увязали там в пористом, глушащем шумы покрытии. Воздух был чист, насыщен кислородом, как в лесу после дождя. Легко и приятно было трудиться на этом производстве, столь простом в управлении и столь сложном в устройстве, что работать здесь мог только образованный и искусный, как ювелир, рабочий.

...И вспомнилась Ивану Ивановичу мечта детства, мечта о новой Москве, какой рисовал ее отец. Маленькому Ване казалось, что после воплощения в жизнь Генплана Москва будет совсем иным городом, почти что с другой планеты. Но все оказалось проще и лучше. Москва осталась Москвой, но просто очень похорошела, подравнялась, прибралась и превратилась в город, жить в котором стало необычайно удобно, уютно и радостно.

НОВЫЕ КОНТУРЫ ПЛОЩАДИ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ О НАШЕЙ СТОЛИЦЕ

В Москву приезжают люди из всех уголков нашей планеты. Это туристы и представители деловых кругов, делегации по линии общества дружбы, Советского комитета защиты мира, Комитета афро-азиатской солидарности, комитетов молодежных организаций, советских женщин, ветеранов, зарубежные журналисты, писатели, деятели кино, театра, певцы, музыканты, спортсмены.

За последние 15 лет советскую столицу посетили свыше 16 миллионов зарубежных гостей. Только в 1970 году, когда все прогрессивное человечество торжественно отмечало столетие основателя первого в мире Советского государства Владимира Ильича Ленина, Москву посетили свыше двух миллионов иностранных гостей. Исполком Моссовета поддерживает постоянную связь с 49 зарубежными столицами. У нас побывали мэры Варшавы и Софии, Будапешта и Праги, Белграда и Бухареста, Берлина и Улан-Батора, Вашингтона и Рима, Лондона и Хельсинки, Парижа и Стокгольма и многих, многих столиц мира.

Какие же впечатления оставляют у наших гостей Москва и москвичи? Что они видят здесь интересного, примечательного? С этими вопросами я решил обратиться буквально к первым, кого встречал на улицах, на Красной площади, в театрах и на концертах.

В дни монгольской культуры, которые недавно проходили в Советском Союзе, я подошел к **видному монгольскому поэту, председателю Комитета защиты мира МНР Ч. Чимиду.** Он побывал во многих уголках земли, и поэтому особенно интересно было его послушать.

— Я часто бываю в Москве,— сказал Ч. Чимид,— у меня здесь много друзей. Я люблю этот город не только за его политическую и историческую славу, за мужественность и героизм, но и как столицу мировой поэзии. Нигде на нашей планете так не популярны поэзия, поэты, как в советской столице, и нигде в мире нет такого восторженного ценителя поэзии, как москвичи.

Известный американский певец Дин Рид:

— О, я очень люблю Москву, и прежде всего за то, что она вся словно песня. Здесь любят петь и слушать песню. Это город молодости, живой родник талантов, город красоты человеческой и архитектурной. Москвичи? Я нигде не видел столь чистосердечных, отзывчивых, добрых, высококультурных людей, каких я увидел в вашей столице. Спасибо им за аплодисменты, которыми они встречали мои песни. В этих аплодисментах дань борьбе за мир, дань интернационализму и дружбе народов.

На Красной площади я увидел группу иностранцев.

Генеральный директор национального испанского института индустрии Луис Абенцо говорит:

— Впервые я посетил Москву в 1958 году. Сейчас город очень изменился и резко отличается от других европейских столиц прежде всего огромным размахом жилищного строительства. В этом за вами мировая пальма первенства. Москвичи — общительные, доброжелательные люди.

Кайя Лехтеля, служащая трикотажной фабрики в городе Турку, Финляндия:

— Приезд в Москву — это большое событие в моей жизни. Я учу русский язык и приехала сюда заниматься в школе русского языка, которая существует уже десять лет. Она организована Союзом советских обществ дружбы с зарубежными странами для иностранцев, изучающих русский язык, который все больше становится международным языком.

Впервые я увидела Москву три года назад и была очень рада познакомиться с вашей столицей. Особенно мне понравился центр города, Кремль и музеи. Москва очень изменилась. Появилось много новых жилых домов.

Огромное впечатление на меня произвело Московское метро. Я снова побывала во многих московских музеях и театрах. В восторге от Третьяковской галереи.

Пента Нильсон, студентка педагогического колледжа в Копенгагене:

— Я будущая учительница русского языка. В Москве впервые. Столица очень большая и интересная. Очень красивые дома. Много памятников, из них больше всего запомнился собор Василия Блаженного. И, конечно, хорош Большой театр!

Много машин, которые мчатся на большой скорости, и что удивительно для датчан — совсем нет велосипедов. Но много такси. И еще в Москве очень веселые, добрые милиционеры. Водитель нашего автобуса совершил мелкое нарушение правил уличного движения, милиционер, когда увидел, что в автобусе иностранцы, улыбнулся, помахал нам рукой, и мы поехали дальше.

Акико Исода, секретарь Японо-советского общества дружбы:

— Когда приезжаешь в Москву, первое, что поражает японца,— это чистый воздух и простор. Широкие улицы. Свободные, большие и светлые дома, много зелени и света. Мы стремимся побольше узнать о вашей стране.

Я побывала в музее имени А. С. Пушкина, Третьяковской галерее, Музее Революции. Музеи у вас прекрасные.

Из окон университета на Ленинских горах я любовалась величественной панорамой Москвы. Очень красивы и новые районы и, конечно, современный проспект Калинина.

Пленяет радушие москвичей, которые оказали нам теплый прием, их готовность помочь во всем. В вашей стране высокий уровень образования, высокая общая культура москвичей. Приятно видеть большую любовь москвичей к культуре. Вы много внимания уделяете сохранению памятников, и это замечательно!

Мне понравились в Москве детские сады. У вас прекрасная система воспитания детей, поэтому и маленькие москвичи такие крепкие и здоровые. Одно критическое замечание: много времени приходится тратить в ресторанах. Это досадно, ведь в Москве иностранцу так много хочется увидеть, не знаешь, как лучше распределить время.

Мы, японцы, испытываем дружеские чувства к москвичам, ко всем советским людям. На память о вашей столице я увезу знаменитую шапку-ушанку, янтарные украшения и пластинки с записями народных песен и классической музыки.

Жерар Филипп, воспитатель лицея, Франция:

— Нет, нет, не родственник известного актера, просто однофамилец. В Москве всего три дня. Масса впечатлений. Больше всего понравился Калининский проспект. Такой, мне кажется, скоро будет вся Москва. Я был также поражен Московским метро. Оно весьма отличается от французского.

Как иностранец, я чувствую себя в Москве свободно, даже лучше, чем во Франции. Москвичи приветливы и уделяют много внимания иностранным туристам. Стоит только спросить, как отыскать улицу или гостиницу, как вокруг появляются несколько человек, которые с радостью дают объяснения. Словом, москвичи очень гостеприимны. Больше всего мне нравится в Москве говорить по-русски. Все свое свободное время я провожу в беседах с москвичами. О чем? О Москве, о Париже, о московских девушках. У москвичек поразительно красивые черты лица, очаровательные глаза и дивные волосы. И, как мне говорили многие москвичи, прекрасные сердца — если полюбит, то навсегда. Москвички полны достоинства, держатся независимо и при случае любят посмеяться над мужчинами. Может быть, я не прав, но это мое первое впечатление...

Мне понравилось, что в Москве очень много зелени, намного больше, чем в Париже. Большое впечатление на иностранца производит Красная площадь, особенно красива она ночью. Я не возьму с собой никаких сувениров, лучший подарок — друзья, которые появились у меня в Москве.

А. Сазонов, специальный корреспондент «Огонька»

Комсомольская площадь, живая, многолюдная, застроенная зданиями разных стилей, несомненно, относится к памятникам нашей истории. Но ей уже стало тесно в нынешних границах, определившихся более полувека назад. Каждые сутки по железной дороге сюда прибывает и отходит отсюда более тысячи пригородных и дальних поездов. Линии городского транспорта работают здесь, что называется, на пределе. Малы по современным масштабам и три вокзала, расположенные на площади,— Ярославский, Ленинградский и Казанский.

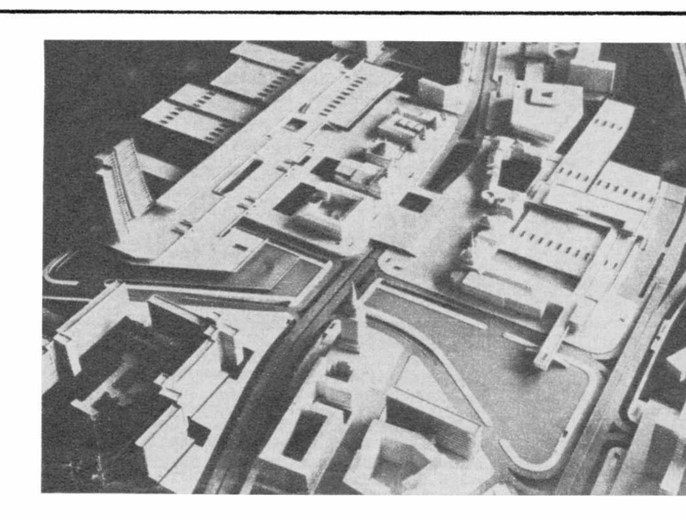
Каковы перспективы развития площади? Вот что рассказали мне в восьмой мастерской Моспроекта-1 архитекторы В. Нестеров, Б. Бодэ, Е. Бодэ, Т. Кудрявцева, В. Юдинцев.

— Комсомольская площадь, расположенная на северо-восточном луче столицы, станет связующим звеном между центральным ядром города, Новокировским проспектом и Сокольниками. Вернее, площадей будет две. Вторая возникнет в зоне, идущей вдоль Каланчевской улицы. Тут будет транспортное кольцо с пересечениями в разных уровнях. Пересекающая эту местность насыпь станет впоследствии эстакадой. Казанский вокзал предполагается расширить за счет свободной территории по Ново-Рязанской улице. В перспективе намечается реконструкция Ярославского и Октябрьского вокзалов. Архитекторы предлагают соорудить для этих северных направлений единый комплекс, объединенный подземными залами. Здесь будут эскалаторы и, возможно, движущиеся тротуары. Западная часть нового вокзала выйдет на новую площадь, где проектируется разместить гостиницы.

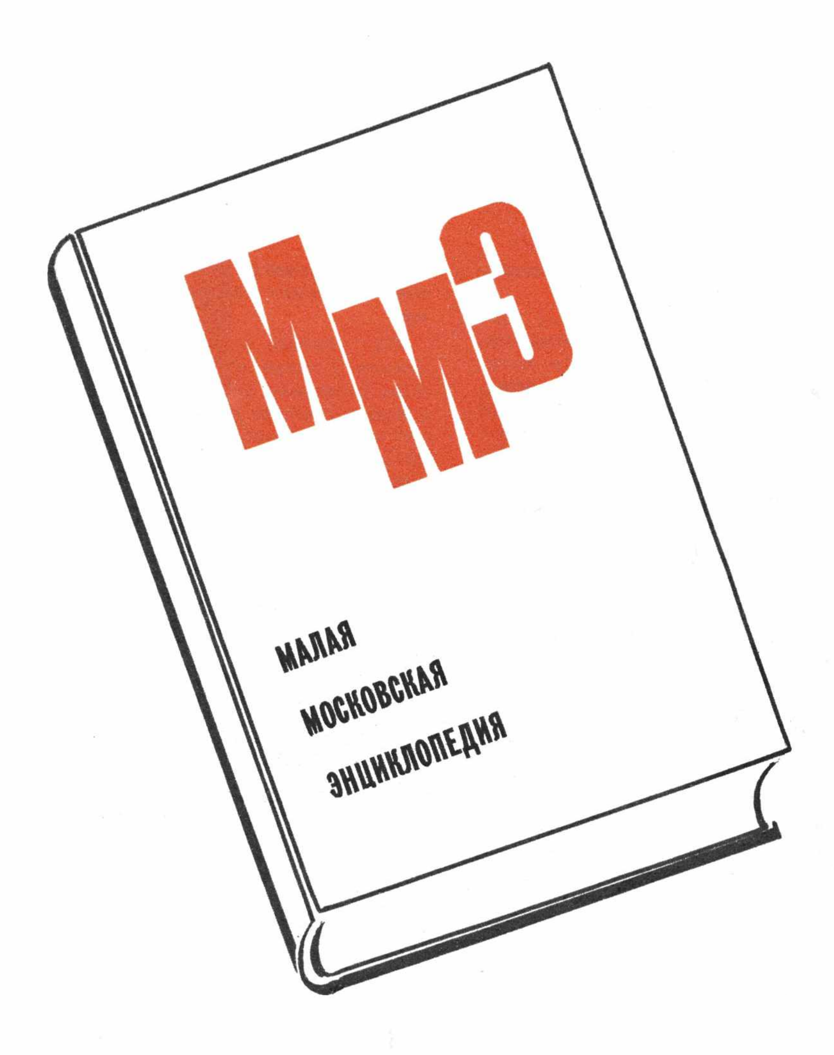
Нынешняя Комсомольская площадь сохранится как своеобразный памятник архитектуры. Ее теперешние функции будут выполнять две площади — перед новым вокзалом Северного направления и перед будущей частью Казанского вокзала, со стороны Ново-Рязанской улицы. Весь градостроительный комплекс объединит новая площадь, расположенная вдоль Каланчевки.

Площадь, оставаясь в тех же границах, станет более просторной. Секрет прост — основные потоки городского транспорта пойдут по путепроводу. Здание большого универмага органически дополнит этот ансамбль.

Ал. ВЕТРОВ

Макет Комсомольской площади — такой она станет в будущем.

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ система управления строительством. Она успешно используется в Главмосстрое. АСУС планирует, контролирует и помогает регулировать огромный объем работ, помогает руководить гигантским строительным конвейером нашей столицы.

БЕТОН для сотен одновременно строящихся объектов поступает с заводов Главмосстроя и Главмоспромстройматериалов. Сейчас создаются цветные бетоны, которые внесут заметное разнообразие в окраску фасадов жилых и промышленных зданий.

Для повышения архитектурной выразительности фасадов построек исполком Моссовета решил шире внедрить в практику домостроения декоративные бетоны и растворы.

ВОДОЕМЫ Москвы. Общая их площадь — почти 600 гектаров. В городских прудах и озерах поселились около 250 лебедей, 200 диких гусей, более тысячи уток...

ГИЛЯРОВСКИЙ Владимир Алексеевич — бытописатель Москвы. Он побывал на самой высокой точке города — в начале века это была пожарная каланча. Ныне самая высокая точка в Москве — 533 метра — Останкинская телебашня.

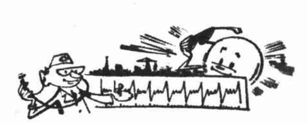
«ДЛЯ вас, москвичи». Так называется книга, подготавливаемая к печати издательством «Московский рабочий». Автор книги — депутат Моссовета И. Пушкарев — обстоятельно и интересно знакомит с домом и квартирой завтрашнего дня, с их планировкой и размещением.

В планах «Московского рабочего» — еще несколько книг, в которых раскрываются черты Генплана; их авторами являются архитекторы и бетонщики, организаторы строительной индустрии и журналисты...

ЕДИНЫЙ каталог унифицированных строительных деталей — своеобразный гигантский конструктор. Он позволяет возводить дома различной планировки и этажности. Пионерами в освоении деталей по Единому каталогу стали строители домов в районе Тропарева.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ УЗЕЛ МОСКВЫ — крупнейший в стране. По Генплану намечается реконструкция Белорусского, Ленинградского, Павелецкого и Казанского вокзалов. Рижский, как малодеятельный, будет в дальнейшем закрыт, а на Савеловском сохранится лишь пригородное движение. В девятой пятилетке завершится строительство Большого окружного кольца. Это позволит отвлечь от московского железнодорожного узла транзитные грузовые перевозки.

ЗДОРОВЬЕ города. Чтобы определить «тонус» столицы, высококвалифицированные врачи-гигиенисты ежедневно снимают «кардиограмму» — берут пробы воздуха, проверяют воду, проводят десятки различных исследований.

ИНСТИТУТ Генплана. Его сотрудники в достаточной мере причастны ко всему тому, о чем рассказано в этом номере «Огонька».

КЛИМАТ Москвы. Его особенность — неодинаковость температур в разных районах города. Самое теплое место в Москве — низина близ гостиницы «Балчуг». Самое холодное — район ВДНХ. Впрочем, разность

На наших вкладках:

Посмотрите на эту карту, читатель... Генеральный план развития Москвы... Это наша столица в зеленом обрамлении подмосковных лесов и парков. А в бетонном кольце границы — город, шагнувший через столетия, чтобы стать ныне одной из красивейших столиц мира. Улицы, проспекты, площади — линии и черточки этой схемы. Квадраты — массивы жилой застройки. Это все Москва. Деятельностью архитекторов и строителей карта оживает и полнится. Она — о Москве сегодняшней и завтрашней.

На проспекте Мира у ВДНХ.

Строительство на проспекте Вернадского.

Гостиница «Россия» со стороны улицы Разина.

Кремль. Вид с гостиницы «Россия».

Комсомольский проспект.

Триумфальная арка на Кутузовском проспекте.

Новое строительство в Кунцеве.

Высотный дом. Котельническая набережная.

Фото Дм. Бальтерманца.

I II III IV 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

МЕБЕЛИ

температур обычно не превышает полутора-двух градусов. По данным метеорологов, в Москве в среднем ежегодно бывает 72 ясных, 111 пасмурных и 182 так называемых полуясных дня, когда на небе царит переменная облачность.

ЛЕНИНСКИЙ проспект — самая длинная улица столицы. В ее облике отчетливо проступают черты различных архитектурных стилей. Начало проспекта застраивалось еще в тридцатые, вторая часть — в 50—60-е годы, а сейчас застройка ведется современными домами.

МОСКВА-РЕКА переживает своеобразное второе рождение — очищается от многолетних донных отложений. В береговые отвалы уже переместили миллионы кубометров биологически мертвых, загрязненных грунтов. После очистки и промывки дна заметно улучшился кислородный режим реки. Неподалеку от ЗИЛа, где прежде вода была особенно загрязнена, провели контрольный отлов рыбы. Лещи, окуни, плотва — отличный улов.

НИКИТИН Николай Васильевич. Автор конструкции Останкинской телевизионной башни. Не случайно все чаще телевизионную вышку называют Никитинской, как башню на Шаболовке — Шуховской, а знаменитую парижскую башню — Эйфелевой.

ОРЕХОВО-БОРИСОВО пока еще не найдешь на картах столицы. Этот район ближайшего будущего — к 1980 году одна двадцатая часть нашего города — расположится у Кольцевой дороги, там, где в нее вливается Пролетарский проспект.

ПЕТРОВСКИЕ ворота. Они примечательны прежде всего тем, что их теперь нет. Как и Покровских, Никитских, Красных... Это одна из маленьких неожиданностей Москвы.

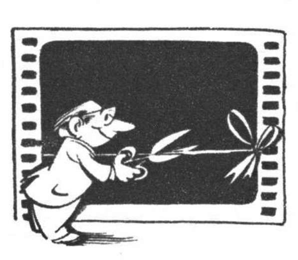
РАДИАЛЬНО-кольцевое расположение городских магистралей — характерная черта Москвы. Одна из новых общегородских радиальных магистралей пройдет от проспекта Маркса до Всесоюзного телецентра. Улицы Жданова, Трубная, Неглинка, Цветной бульвар, Шереметьевская и Новомосковская улицы — таково направление этой дороги.

САДОВОЕ КОЛЬЦО. Одна из самых оживленных магистралей Москвы, она станет дорогой непрерывного движения.

ТРАНСПОРТ города. В ближайшие годы в столице предстоит проложить миллионы квадратных метров дорог и построить 39 транспортных пересечений и пешеходных переходов. Сейчас общая протяженность московских улиц — более 3 тысяч километров; 800 из них — магистрали и проспекты.

УНИВЕРСАМ. Сейчас в Москве три магазина самообслуживания, наиболее отвечающих завтрашнему дню торговли. В 1972—1975 годах будет построено еще 25. Всего же за пятилетие в городе откроется около 1000 новых магазинов.

ФИЛЬМЫ получат от строителей свой дом: ему уже дали имя — Всесоюзный киноцентр. Здесь разместятся несколько кинозалов, музей киноискусства, библиотека, научно-теоретический центр. Известен уже и адрес дома: недалеко от пересечения улиц Дружинниковской и Заморенова.

ХИМКИ — порт пяти морей, который будет значительно реконструирован.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ универмаг Москвы — ЦУМ — после реконструкции значительно увеличится.

ЧЕРТАНОВО. Смотри в этом номере репортаж «Дом, в котором я живу...».

ШЕРЕМЕТЬЕВО — место, с которого зарубежные гости, прилетающие к нам из дальних стран, обычно начинают знакомиться с Москвой.

ЩУСЕВ Алексей Викторович — зодчий, внесший большой вклад в развитие архитектуры Москвы. Одно из многих его творений — Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади.

ЭКСПЕРИМЕНТ. Понятие, очень близкое творчеству московских зодчих. Один из интересных экспериментов проводится в Тропареве. Здесь сооружаются жилые здания повышенной этажности, с улучшенной планировкой квартир, с фасадами, которые радуют разнообразием цвета и формы.

ЮРИЙ Долгорукий. Памятник ему, основателю Москвы, воздвигнут на Советской площади.

ЯУЗА. Из тридцати четырех километров — такова длина этой реки — двадцать девять находятся в черте города.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Анатолий ЖУКОВ

Рассказ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Они сели рядом, а напротив, на переднем кресле, сидела девушка, и когда сын, продолжая разговор, который они вели по дороге к автобусной остановке, сказал: «Пап, а помнишь...»,— девушка удивленно посмотрела на отца, потом на сына. Конечно, она сразу обратила внимание на сына, он выделялся и новенькой формой, стройный такой, рослый молодой летчик, но она никогда бы не подумала, что севший рядом с ним мужчина, точно такого же роста и почти такой же стройный, в гражданском костюме, может быть отцом летчику.

— Ну да, помню,— отвечал он.— Я тогда возвратился из армии, а тебе было четыре года, и ты мог это запомнить сам. Я-то прекрасно помню.— Он перехватил удивленно-пристальный взгляд, чуть заметно пожал плечами и опять обратился к летчику:— И еще помню тебя двухлетним, когда я был в отпуске после первого года службы, и мы поехали с тобой на велосипеде в лес. Ты сидел впереди на раме, вернее, на моей пилотке, которую я подстелил, и держался одной рукой за руль, а другой все помахивал матери — она стояла у дома и глядела нам вслед. Вряд ли ты помнишь это.

— Не помню,— с сожалением сказал летчик.

И тут в салоне грянул репродуктор, включенный водителем на всю мощность, и они оба посмотрели на часы — шли первые минуты двенадцатого, середина дня, диктор сообщал сводку последних известий:

— «...эскалация войны во Вьетнаме, происки израильских экстремистов и американских империалистов на Ближнем Востоке, испытательный взрыв китайской термоядерной бомбы, черные полковники — палачи греческой демократии, рост военного потенциала Японии, последствия урагана в Чили...»

Они уже не могли говорить, обреченно слушали, а может быть, ждали, когда он утихнет, но репродуктор не утих, и возле станции они сошли вслед за девушкой, чтобы пересесть на электричку.

Девушка дважды оглянулась, и сын озорно подмигнул ей, а отец, встретив сочувственный взгляд, улыбнулся и подумал, что она добрая и наивная.

— Знаешь, пап,— сказал сын,— а она ведь на тебя не просто поглядывала: она будто оценивала тебя, будто примеряла.

— Балбес,— сказал отец с улыбкой и хлопнул сына по плечу.

Взяв билеты, они подошли к краю платформы посмотреть на воробьев, которым мальчишка крошил булку, а воробьи прыгали внизу, по рельсам и шпалам, хватали крошки и драчливо наскакивали друг на друга. Тут опять подошла девушка из автобуса, отец с сыном переглянулись и пошли по платформе вперед, чтобы сесть в головной вагон.

Им хотелось провести вдвоем этот день, походить по Москве и поговорить, потому что вечером летчик уезжал к месту своего назначения, и отцу хотелось, чтобы сын уехал спокойным и внутренне готовым к первым самостоятельным шагам. У самого отца так получалось редко — может, потому, что рядом не было опытного близкого человека, может, из-за нетерпеливости,— всегда выходило неожиданно, будто бросался с обрыва в незнакомую воду. Правда, его метания и броски совершались в одном направлении, пожалуй, даже в строго определенном направлении, не было только подготовленности, ни внешней, ни внутренней.

— Идет,— сказал сын вслед за далеким, стонущим сигналом электрички.— Это сколько же тебе было лет?

— Когда?

— А вот когда мы ездили на велосипеде в лес, а мама глядела нам вслед.

— Двадцать один,— ответил отец.

— Интересно. Мне сейчас ровно столько, но я не могу представить себя отцом, не получается.

— Это потому, что ты не отец,— сказал он. И вспомнил, что сам тоже не испытывал тогда родительских чувств, забавлялся с ним не то чтобы как с игрушкой, а с чем-то любопытным, нужным, но не главным.

И еще вспомнил, что тогда, в тихий июньский день пятьдесят второго года, когда он, отпускной солдат, катал своего малыша на велосипеде, а потом повез его в лес и чуть не потерял там, вот тогда он впервые почувствовал себя родителем, отцом, хотя еще, может, не до конца осознал это.

Он тогда оставил велосипед на просеке и, углубившись в лес, который манил малыша яркими пичужками, порхающими в кустах меж деревьев, нашел просторную травяную поляну, где было много клубники. Малышу скоро надоело нагибаться за каждой ягодкой, и он лег на траву и ползал, открывая попутно мир букашек и муравьев, пока не заполз далеко в кусты. Как же испугался он, когда увидел, что его малыша нет на поляне, как бегал тогда, обшаривая каждый куст, и как радостно рассердился, когда увидел, что малыш спрятался за высокий пень и не откликается, хитро прислушивается, ждет, когда его отыщут.

Их обдало теплым потоком воздуха, электричка с грохотом подкатила к платформе и замерла, готовно раздвинув створки дверей.

Вагон был почти пустой, сын прошел вперед, заметив с улыбкой, что так им придется меньше ехать: на несколько метров Москва ближе.

Они заняли первое кресло, и сын спросил:

— Пап, а помнишь, как мы ездили на лодке удить рыбу, вымокли и потом на берегу пили водку? Стакана у нас не было, и ты выскоблил ножом мякоть помидора и наливал в нее водку нам с Колькой.

— Да,— ответил отец,— оригинальные были рюмочки. Последнюю ты выпил, а потом съел саму рюмку вместо закуски.

«Не надо было тогда давать им водку, рано еще, лет одиннадцать ему было, а Коле и того меньше, но они крепко промокли и могли простудиться».

— Тогда тебе было двадцать девять,— сказал сын,— и ты рвался к большой журналистике, а я к самолетам. Всегда рисовал их, читал книжки о летчиках, любил глядеть на пролетающие самолеты. Вряд ли ты помнишь это.

Отец засмеялся:

— В самом деле не помню. Прости.

— Бог простит. Днем ты мотался по району на редакционном «козле», ночью читал или писал, а по выходным пропадал на рыбалке. Только там мы тебя и видели. Вручишь нам удочки, сам возьмешь узелок с обедом, весла — и на Волгу.

— А помнишь, как я учил тебя ездить на мотоцикле?

— Еще бы. Я тогда уж окончил третий класс и любил машины.

— Это у тебя от деда любовь к машинам. Жалко, что он погиб, вы, несомненно, бы подружились. Он был такой чуткий, интересный...

— Я тогда быстро научился.

— Да, быстро. Только рукам твоим было далеко до руля, и я посадил тебя на топливный бак, а сам был на сиденье.

— Я помню. Сначала ты объяснял мне все на месте — сцепление, переключение передач, правила поворотов и обгонов,— а потом я сидел на баке и держался за руль, как дублер, как второй пилот, и ждал, когда ты передашь мне управление.

— На втором круге я тебе уже передал. Сначала мы сделали большой круг по новостройке к заливу и рыбацкому поселку, а потом обогнули школу, и, когда поехали мимо нашего дома к пристани, тут уж ты вел сам. Если бы ты не ездил так хорошо на велосипеде, ты не смог бы, конечно.

— А ты сидел позади и держался за мои бока. Вернее, поддерживал. И все говорил, чтобы я не торопился. А мать глядела на нас от палисадника и потом ругала тебя: мол, не дело ты затеял, рано, убьешь ребенка, и тэдэ, и тэпэ.

— Она потому ругалась, что незадолго до того дня я катал Кольку вечером на мотоцикле, и мы сбили пьяного рыбака. Он ехал на велосипеде навстречу и повернул налево, пересек наш путь, а о правилах, видно, не подумал — какие правила для пьяного...

— Колька мне рассказывал. Он тогда

ведь перелетел через тебя, когда рыбак неожиданно повернул и угодил прямо под мотоцикл, а ты перелетел через руль и сразу кинулся к Кольке, а потом вырвал ключ зажигания и стал ругать рыбака.

— Нельзя было иначе. Слишком он был пьяный и бестолковый.

— Платформа «Метро Ждановская»,— весело объявил динамик.— Следующая — «Вешняки». Граждане пассажиры, не забывайте в вагонах свои вещи!

Поезд остановился у новенькой станции метро, щелкнули и зашипели открываемые двери.

— Может, поедем в метро?— спросил отец.

— А двадцать копеек пропадут,— улыбнулся сын.— Это тебе можно, а я еще на курсантском бюджете, первая летная зарплата через месяц только.

Опять зашипели и щелкнули двери, вагон мягко качнулся, и станция метро уплыла назад.

— Вам неплохо платят,— сказал отец.— И на пенсию можно выйти раньше.

— Вроде бы рановато заботиться о пенсии.

— Кому как. В сентябре исполнилось двадцать пять лет, как я работаю. С четырнадцати лет.

— И журналистика надоела?

— Да пока нет. На рыбалку бы сейчас закатиться... Помнишь, как прошлый год мы удили карасиков на Цне?

— Конечно. Здорово ты приладился их таскать. А какие рассветы там, речка какая! И желтые кувшинки горят по воде и белые лилии... Только мне показалось, что твоя жена была не в восторге от моего приезда.

— Это тебе показалось. И потом, она ведь с утра до вечера занималась экспедиционными делами, квартира частная, а хозяйка — ты заметил, наверное,— не из приветливых.

— Да, старуха строгая. И здоровенная, как драгун. Стоит у двора и спрашивает каждого проходящего: «Ты куда?.. Ты откуда?.. Что несешь в сумке?..» Смешна-ая старуха.

— Много она крови попортила. И в основном жене. К тому же и Надька доставляла много хлопот. Понравилась тебе Надька?

— Ничего девчонка, шустрая. Ей уже пять лет?

— Пять. Ты заканчивал школу, когда она родилась.

Разговор подошел к такой точке, когда лучше не продолжать. И они замолчали. Сын вспомнил, что год рождения этой девочки, наполовину сестры, был, пожалуй, самым беспокойным в его жизни. Да и не только тот год. И предыдущие два года отец приезжал уже отчужденным, мать встречала его, как гостя, и не радовалась, а заметно нервничала, и они с Колькой не могли понять, что происходит. Даже в тот год им ничего не говорили, хотя где-то далеко от их села уже должна была родиться Надька, шустрая девочка, наполовину сестра, что она уже родилась, когда отец приезжал в последний раз, и как-то странно было слышать потом, что у них нет отца, когда он был и любил их по-прежнему, если не больше. Пожалуй, даже больше, потому что он стал внимательней к ним, бережней и всегда рад был их видеть.

А отец вспомнил, как встречал сына ранним утром на Казанском вокзале. Он приехал туда вместе с женой, получив телеграмму от первой жены, матери его двух ребят; перрон вокзала был непривычно пустынен, электрички еще не ходили, и, когда по радио было объявлено о прибытии поезда из Ульяновска, жена отошла под фонарь на платформе, а он один стал ждать, заглядывая в лица прибывших пассажиров. И когда увидел сына, худого еще подростка — он тогда только закончил восьмой класс,— сразу бросился к нему, забыв обо всем на свете, обнял за плечи и тут почувствовал на себе взгляд со стороны, зовущий, требовательный. Он уже знал, откуда этот взгляд, обернулся к фонарю и в его тени увидел жену, такую близкую, родную и одинокую, что хотелось броситься туда и вывести ее на свет, но одной рукой он обнимал сына, тоже родного, близкого и одинокого в большом городе, а в другой руке нес его чемоданчик. И он прошел мимо фонаря, мимо нее, будто разорванный надвое, ощущая глубокую боль не оттого, что разорван, а оттого, что каждая часть живет отдельно и их нельзя, невозможно соединить. Интересно, понимала ли она тогда его состояние или не понимала? Вероятно, все-таки понимала. Будь она не такой чуткой, все было бы проще...

— «Электрозаводская». Следующая — Москва. Граждане, будьте внимательны, переходите улицы в установленных местах, берегите свою жизнь!

— Пап, а помнишь, как ты приезжал в училище, когда у меня гостил Колька? Неплохо мы погуляли, правда?

«Молодец, что перескочил через эти годы. Перескочил, но не забыл, а хорошо бы их забыть обоим. Всем бы забыть о них».

— Неплохо,— сказал он.— И купались почти целый день и на пароме прокатились. Смешной у вас паром, допотопный.

— Зато безотказный. Стоишь на мостках, перебираешь канат и плывешь. Сам — двигатель, сам — пассажир. А над тобой «ЯКи» летают.

— Городишко у вас тихий, скучный.

— Жалко все равно. Девчонка там есть... Славная такая девчушка, провожала меня. Вот теперь осталась одна.— И посмотрел отцу в глаза, пристально, испытующе.

— Не знаю,— сказал отец.— Лучше бы не торопиться в таком деле. Ранние браки часто бывают неудачными.

А сын не отводил взгляда, не деликатничал, дело было нешуточное. «Значит, твой первый брак был неудачен, значит, мы с Колькой родились по ошибке? Почему же ты нас любишь, почему с теплотой говоришь о нашей матери? Или ты лжешь?» И с улыбкой подразнил его:

— А если это любовь, пап?

— Если это любовь, решай сам.— И чуть было не сказал, что в таких делах он не советовался, решал, но вовремя спохватился: его сразу встретит новый безмолвный вопрос, а возможно, этот вопрос прозвучит и вслух — не очень-то они с нами церемонятся. Как, впрочем, и мы когда-то.

— Ладно,— сказал сын,— не сердись, я уже решил. Просто мне хотелось знать твое мнение.

«Вот-вот, он решил, а как — это уж тебя не касается, в свое время узнаешь. И глядит с торжеством, весело: ну, как, мол, папочка, здорово я тебя прижал?»

Казанский вокзал встретил их многолюдным шумом и духотой разогретого асфальта. Они взяли билет до Ульяновска — сыну надо было по пути заехать домой к матери,— спустились в метро и поехали в центр. Сыну хотелось проститься с городом, к которому он успел привязаться за время своих наездов, проститься с местами, которые он хорошо знал. Неизвестно, когда он теперь сумеет сюда выбраться, что ждет его в далеком, незнакомом краю, как пойдет его непростая служба летчика.

Москву сын увидел впервые лет шесть, нет, семь лет назад. Тогда он приезжал к отцу после восьмого класса, а отец еще учился в институте, и было как-то неловко говорить, что его отец — студент, хотя и объяснять, что он всю жизнь работал и только теперь стал учиться, не хотелось.

Тогда они встретились на Казанском вокзале, тоже спустились в метро и поехали не в общежитие, а сразу в центр, чтобы посмотреть Красную площадь, которую он видел только в кино, Мавзолей Ленина, Большой театр, Третьяковку.

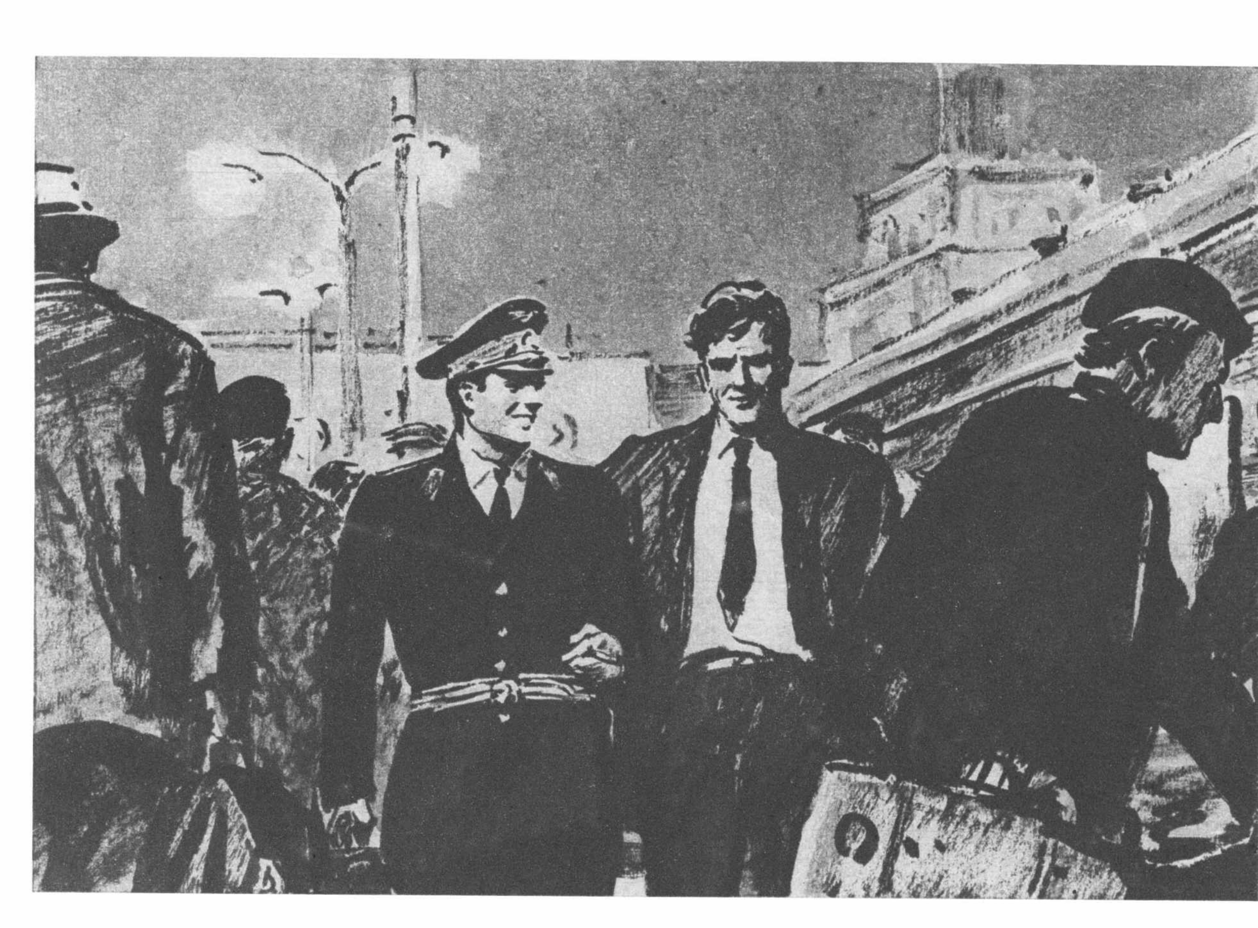
Отец был чем-то расстроен и торопился в общежитие, чтобы уехать оттуда в институт сдавать курсовые экзамены, а город они осматривали в другие дни и не всегда вместе. В Пушкинский музей отец отвез его, а сам побежал на встречу с каким-то критиком, руководителем их семинара, и вернулся поздно, когда музей уже закрыли, и он ждал отца в подъезде с одним московским пареньком, который тоже забежал туда переждать дождь.

— Пап, а помнишь, какой тогда был дождь, настоящий ливень, с грозой, когда ты прибежал к Пушкинскому музею?

— Я тогда здорово задержался, по-моему.

— Не очень. А гроза мне впервые показалась забавной. В селе она слишком серьезна, даже страшна, а в Москве вроде бы как игрушка. Большая, громкая игрушка.

Они вышли к Красной площади, молча постояли у Мавзолея, потом с какой-то экскурсией зашли в Кремль. Экскурсовод объяснял, что они находятся в сердце Рос-

сии, в заветном, любимом его уголке, и это не показалось выспренним, хотя было жарко и ни о чем не хотелось говорить. Хотелось только не спеша ходить, смотреть, думать.

Они обошли весь Кремль, а потом выбрались на площадь и спустились к набережной Москвы-реки и молча курили там, глядели на темную текучую воду и думали об одном — о своей деревне. Захолустная такая деревушка, маленькая, всего полсотни дворов, но какой же красивой она казалась отсюда, из этих лет, какой была дорогой сейчас! Она была бесценна, та милая деревушка, бесценной была изба с окнами в степь, и бесценна сама степь с крохотным островком леса у деревушки. Раздольная песенная степь, бесконечная, как Россия.

У отца в этой деревушке прошли отрочество и юность, в этой деревушке он стал взрослым, семейным человеком, работником стал, а сын родился там и провел свое безоблачное детство. Он вспоминал о деревушке легко, без жалости, потому что родным считал то районное село на Волге, куда отец перевез семью в год его поступления в школу.

— Пап, а хорошо, что мы переехали тогда на Волгу, правда? Я как-то сейчас не представляю своей жизни без того села, реки, лесов... Красивые у нас места!

— Красивые. Особенно летом — все цветет и зеленеет, белые теплоходы разгуливают, горластые гудки их слышны... Мой отец тоже перевез нас в степь, когда мне было примерно столько же лет, сколько тогда тебе. Он любил степь.

— А ты любишь реку?

— Да.

— Ты просто молодец у нас.

— Рад, что угодил тебе. Поедем на Ленинские горы?

— Может, лучше вечером? Ночную Москву оттуда посмотрим.

— Тогда надо перекусить и выпить чего-нибудь холодненького.

— Вроде не очень жарко.

— Нет, просто душно. Даже близость реки не смягчает. Если бы в селе, да у Волги... Я во сне иногда ее вижу.

— Вот туда бы нам сейчас, а? Закатиться туда, лодку у дяди Сани Шустерова взять — и на острова с ночевкой. Тишина там какая!..

— Тишина там зеркальная. И травяной землей пахнет, мокрыми тальниками, воды в заливах плещущие, рыбные...— И вспомнил, что в последний приезд домой часто ловил себя на том, что не хватает стремительной, вечно шумной Москвы, не хватает беспокойной работы, и опять испытал то болезненное ощущение разорванности, когда одна твоя половина живет здесь, а другая находится там и требует автономного права на существование. Неужели это будет продолжаться все время, до самого конца?— Пойдем,— сказал он,— а то расплавишься совсем от жары.

Они пошли в тихий ресторанчик на Пушкинской улице, заняли там столик в углу, и сын стал обдумывать заказ.

— Может, выпьешь со мной, пап?

— Не отказался бы, тем более в такой день. Торжественный, праздничный для нас день.

— А может, рискнешь?

— Пожалуй, стопочку водки. Только чтобы холодная. А себе возьми коньяку или что ты хочешь. Мне нельзя ни капли.

«Для ваших почек это смертельный яд,— сказал ему уролог через месяц после операции.— Вот если пройдет благополучно с годик, тогда разрешите себе стопку водки по праздникам. По самым большим праздникам».

Им принесли закуску, две бутылки воды и два потных графинчика — и коньяк и водка были из холодильника.

— Давай за тебя,— сказал он сыну,— за твою взрослость и самостоятельность. Даже не верится, что ты уже вырос. Быстро и нечаянно как-то вышло — взял и вырос!

— Может, и нечаянно, да не быстро. Мне кажется, я живу очень давно.

— Да? А я вроде и не жил еще. Сорок лет, сорок оборотов Земли вокруг Солнца...

Сын улыбнулся.

— Действительно, при наших скоростях счет на обороты ничтожен.

— У природы свои скорости, и неизвестно еще, кто быстрее крутится, человек или винт твоего самолета. Ну, за Волгу и за наше село!

— Теперь уже поселок городского типа. Лет через десять—двадцать городом станет. Вот я приду к твоему возрасту, он и станет городом. Совсем немного, правда?

— Совсем немного.

Они пообедали и отправились дальше по городу. Посмотрели выставку современной графики в Манеже, постояли возле Третьяковки, зашли в Пушкинский музей. Потом поехали на Ленинские горы.

Отец очень хотел, чтобы его первенец учился в Московском университете. Сын сделал попытку и срезался на первом экзамене, хотя и окончил школу с медалью. Мог бы он не срезаться, но его тянуло в небо, а отец настаивал на университете, и не хотелось ему возражать — он воспринял бы это непослушание как личную обиду, потому что к тому времени он оставил их, по крайней мере юридически, он потерял право руководить их судьбой, и вот эта формальная потеря права только подтвердилась бы непослушанием. Потом отец водил его в Менделеевский на тот же факультет, но он опять срезался и уехал работать в Куйбышев к родственникам матери. Уже после его отъезда отец написал ему, что ничего не имеет против летного училища, и через год он поступил и вот уже окончил его, и отец рад, потому что понял свою ошибку.

Они поднялись по эскалатору наверх, побродили у Дворца пионеров, постояли возле университета. Стало уже смеркаться, город нарядно лежал внизу, расцвеченный огнями, далеким красным пунктиром уходил в небо тонкий ствол Останкинской телебашни.

— Пап, а помнишь, как мы ходили на выставку, когда ты окончил институт? Весело тогда было, хорошо.

— Хорошо. По-моему, даже счастливо.

Тогда они приехали к нему оба — младший Николай тоже рос добрым парнем,— и они пошли на ВДНХ погулять и отдохнуть. В парке они увидели мужика, который косил траву, и он попросил у мужика косу с какой-то нетерпеливой радостью, даже с опаской — он лет пятнадцать уже не косил и боялся, что не сможет. Оказалось, не забыл, руки помнили работу своей молодости, и он радовался этому, горячо благодарил мужика и с гордостью и тайным сожалением посматривал на своих ребят. Они не умели косить и не знали этой простой радости, и сейчас, вспомнив об этом, он опять пожалел, что его сыновья никогда этого не узнают. Один будет водить самолеты, другой — электропоезда, здесь иная радость, новая, и ее уже никогда не узнает он, их отец.

— Пожалуй, нам пора, пап, не опоздать бы.

— Да, лучше постоим на вокзале.

Они спустились в метро и поехали на Казанский.

— Быстро кончился наш день,— сказал сын.— Даже обидно. Иногда они кажутся годами, а тут промелькнул, и нет его.

— У тебя в запасе еще один такой же день,— сказал отец завистливо.— Мать будет без ума от радости.

— Да, здесь я побогаче тебя. Но ты забыл, что это прощальные дни, два прощания на одного.

— Нет, я не забыл.

— Я сейчас вроде там и здесь одновременно. А завтра будет наоборот. Словно разорван надвое. Извини, что я так, ты знаешь это лучше меня.

— Ничего. Даже хорошо, что ты так верно все понимаешь. Теперь нам легче будет. Самое трудное знаешь когда было?

— Знаю. Когда вы с матерью стали чужими и скрывали это от нас, держались так, будто ничего не случилось. Наверно, это было мукой для обоих.

— Мать у вас хорошая, славная.

— В том-то и штука. Оба хорошие, и оба не виноваты.

— А тебе хотелось, чтобы я был виноват?

— Нарушение правил: ниже пояса не бить!

— Ты начал, я только сквитал.

— Ну ладно, ладно, ты прав. Мне в самом деле стало легче.

Вышли к четвертой платформе, где стоял поезд. Завтра в середине дня поезд будет в Ульяновске, а сын через два часа дома, у матери.

Они закурили из одной пачки и пошли к восьмому вагону. Над путями стояла полная луна, спокойная и яркая, как фонарь. А там, на Волге, она большая и куда ярче.

Пять лет назад, во время последнего своего приезда домой, когда сыновья еще ничего не знали, а знала только их мать, он вышел с ней вот в такой же вечер сообщить последнюю новость — родилась Надька, и он больше не может сюда приезжать. Они ходили тогда по берегу Волги, а над Волгой стояла большая луна, спокойная и яркая. Прямо к их ногам от луны бежала по воде зыбкая серебряная дорожка, а ночная Волга была величаво-спокойной, дремлющей, а в прибрежных деревьях щелкали соловьи, и, подчиняясь этой красоте, они тоже говорили спокойно, очень спокойно, если не считать чувства глубокой печали и ясно сознаваемой непоправимой беды. «Мы с тобой как влюбленные,— сказала она грустно.— Как семнадцатилетние. И тихий берег реки есть, и луна, и лунная дорожка у ног, даже соловьи поют. Как в книжке о любви». А он вслух подумал, что если бы эту прогулку снять на цветную пленку или зарисовать, получилась бы в самом деле красивая и поэтическая картина. «А почему бы ей быть не поэтической,— сказала она.— Вроде мы остались людьми...»

— Знаешь, пап, о чем я думаю? Я думаю сейчас о том, что у нас удивительная, прекрасная страна. Не только потому, что в ней есть Волга, родная деревня, Москва, есть далекий край, который я уже сейчас хочу как-то представить и полюбить, потому что мне там жить и работать. Главное вот в чем: ты захотел стать журналистом — и стал, я захотел быть летчиком, и вот я летчик. А? Как ты смекаешь?

— Да, это — главное,— ответил отец и опять услышал то давнее, за что он всегда ценил ее и глубоко уважал: «Вроде мы остались людьми». И еще он подумал, что его дети либо сами поняли то, о чем он никогда им не говорил, либо другие объяснили им великий смысл понимания Родины. Доходчиво объяснили, прочно. А вслух сказал: — Постарайся стать хорошим летчиком. В любом деле, на любой работе надо быть безупречным специалистом, надежным работником — без этого нет счастья. И постарайся избежать личных потерь. Моих потерь.

— Наших,— поправил сын.— Не твоя вина, что только в тридцать лет ты стал дотягиваться до своей мечты. Вот если бы ты оставил ее... Через годик приезжай ко мне в гости. Приедешь?

— Считай, что договорились.

А у вагонов остались уже одни провожающие — вокзальный диктор объявил, что поезд отправляется.

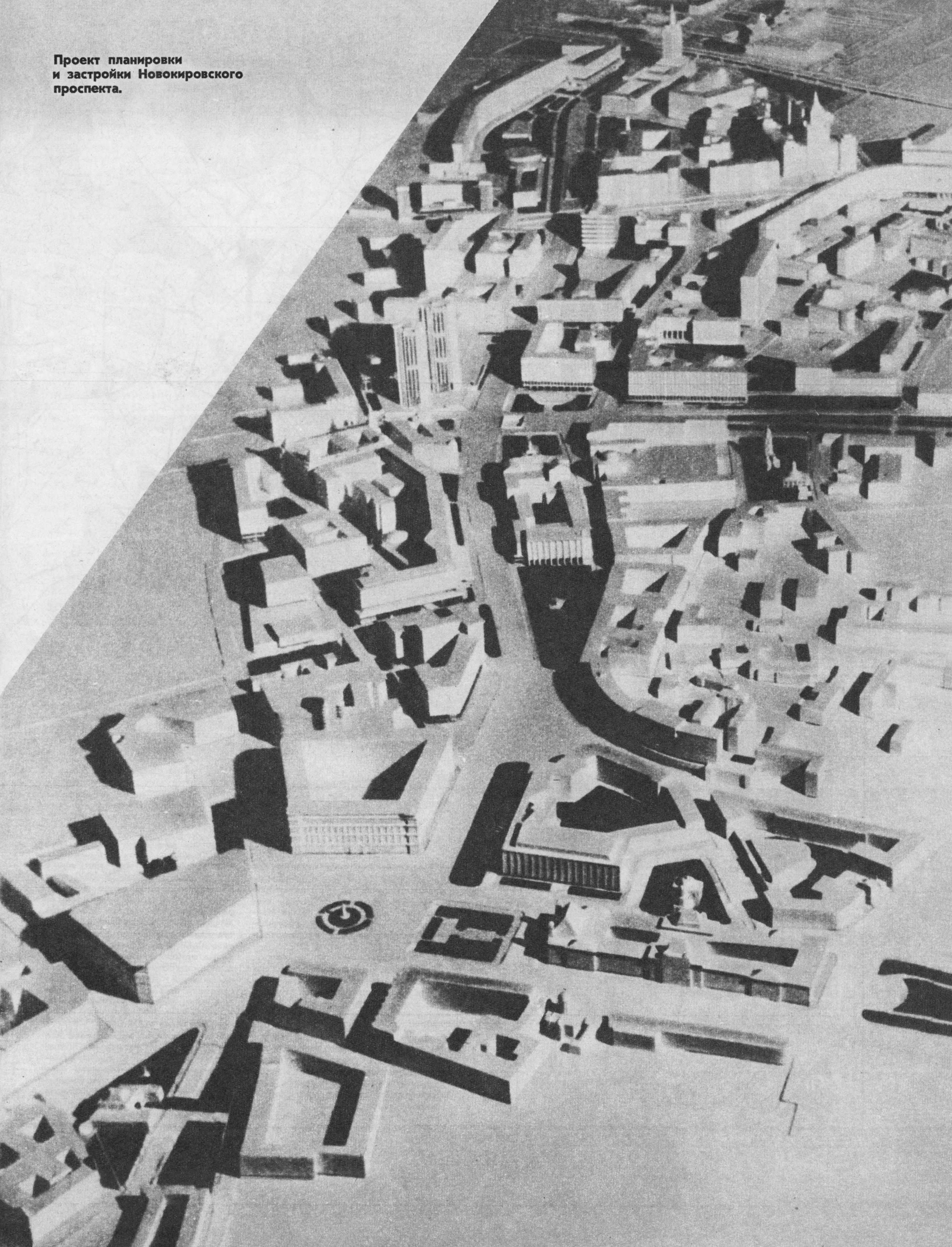
— Ну, ни пуха тебе, ни пера!

— И тебе. Не старей тут без меня!

Они обнялись и поцеловались.

И вот уже один стоял он на платформе, смотрел на уплывающие под луну красные огни последнего вагона и думал, что жена скоро начнет беспокоиться, а Надька, привыкшая перед сном слушать сказки, отказалась спать до его возвращения.

Он много рассказал ей сказок, каждый вечер сочинял новую, но сегодня он не будет сочинять, он расскажет быль. Добрую быль о молодом летчике, который едет по родной нашей земле и думает о том, какая она большая и как хорошо жить на ней, особенно когда ты молод.

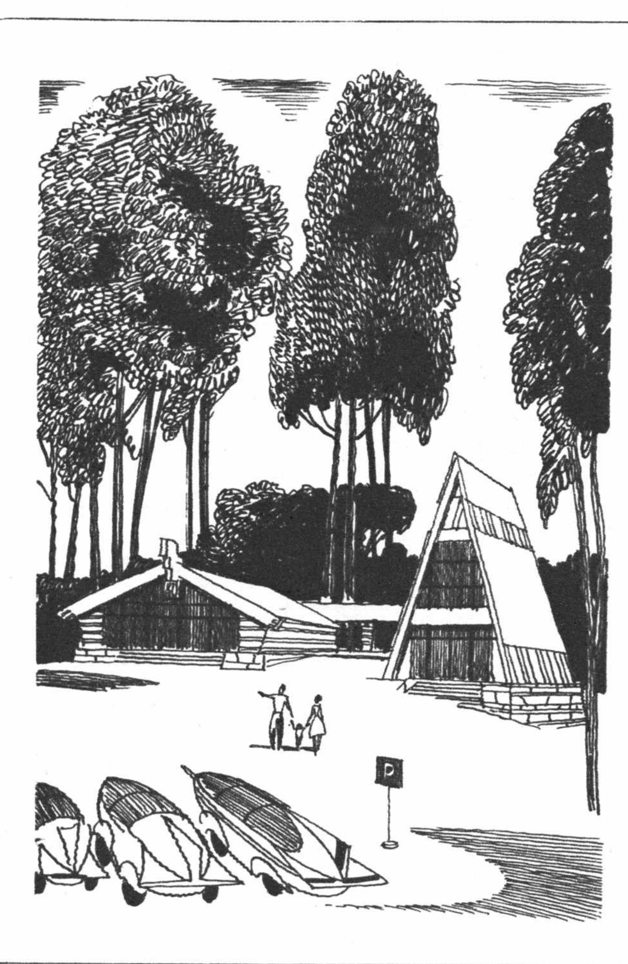
Проект планировки и застройки Новокировского проспекта.

РЕПОРТАЖ ИЗ ДВУХТЫСЯЧНОГО...

ЗЕЛЕНАЯ КАРТА СТОЛИЦЫ

Мы позволим себе оставить семью Ивана Ивановича и пригласим вас к зеленой карте столицы 2000 года. Посмотрите на нее, и вам станет ясно, почему в семье Ивана Ивановича так долго обсуждаются варианты возможного отдыха: много их, вариантов!

...Зеленые озера Тимирязевки, Измайлова, Сокольников, тихий девятый вал Нескучного сада, а теперь вот ставших близкими Кунцева, Кускова, Коломенского, Бирюлева, Покровского-Глебова — все это гигантские резервуары чистого воздуха. Каждое мгновение они откачивают, всасывают массы газа, отработанные деятельной Москвой. А взамен дают тысячи кубокилометров чистого воздуха. Нет, не «пустые» они, эти места, обойденные новостройками. И никогда не были пустыми. Потому что еще в 1971 году в Москве было четырнадцать тысяч зеленых гектаров, приспособленных так или иначе для отдыха горожан. К 2000 году в самом городе число зеленых гектаров удвоилось! У каждого горожанина есть теперь солидная личная доля квадратных метров в так называемой зоне зеленых насаждений. В семьдесят первом году на одного москвича было двадцать квадратных метров зеленых насаждений общего пользования (деревья школьных и жилых дворов, улиц, больничных участков не в счет). Зато теперь, в 2000-м,— в полтора раза больше!

В Москве и в Подмосковье все продумано для отдыха и повседневного, кратковременного (еженедельного) и длительного (отпуск). Выбирай любой — в зависимости от времени, отпущенного на отдых.

Итак, закончился обычный рабочий день. Кроме зрелищ, библиотек и музеев, в твоем распоряже-

нии почти тридцать тысяч гектаров парков и площадок оздоровительного спорта. Много ли это? Судите сами: в 1970 году более восьмисот тысяч москвичей имели возможность без огорчительной толчеи и дополнительных усилий отдохнуть в парках и на спортплощадках после занятий и рабочего дня. А сейчас? В 2000 году отдыхающих непосредственно в городе стало... меньше. Парадокс? Ничуть. Люди давно уже предпочитают выезжать за бетонную черту города. Таким образом, в городских парках, на детских и спортивных площадках, в бассейнах стало куда вольготнее.

А может быть, семья Ивановых хочет сегодня же, не выезжая из Москвы, побывать в... субтропиках? Или на Памире? В Пиренеях? Увидеть горные водопады, пески пустыни, зеленое царство саванны? Тогда вперед — нет, не в аэропорт, не на борт сверхзвукового лайнера...

Папа с сыном спустились в метро и вскоре вышли возле Главного ботанического сада Академии наук СССР. Здесь построен климатрон — дворец искусственного климата, страна незнакомых нам лесов и гор. Ивановы поднялись прежде всего на смотровую площадку: внизу секвойи, лиственницы, пальмы, кедры. Горы (высотою в тридцать метров!) представили геологию и растительный мир Кордильер, Саян и Скандинавии. А рядом — озеро и японский сад, цветущая сакура. В подогретых прудах — виктория-регия из Южной Америки, индийский лотос, нимфея...

Но главное — собственно климатрон, оранжерея со скалами, водопадами, тропическими лесами, стеклянными туннелями. Здесь растения всей земли. Сюда можно приезжать много-много раз. Но на следующее воскресенье планируется поездка деда и внука в лесопарковую зону. Она в десяти — пятнадцати километрах от столицы. Сюда можно приехать и на личной машине и на речном судне с подводными крыльями, а можно воспользоваться и вертолетом. Или семью экспресс-линиями, берущими начало от станций метро. Например, от Савеловского вокзала открыта скоростная линия (без остановок) до сосновых берегов Московского моря. Дед хорошо помнит, как было сложно когда-то добираться сюда — более двух часов. А теперь — менее часа.

...Незаметно пролетела рабочая пятидневка, и уже в пятницу вечером внук теребил деда. «Не забыл?» Нет, он не забыл. Дед столь же любознателен, как и внук. И в воскресенье утром они отправятся в необычайный парк, раскинувшийся по соседству с Клязьминским водохранилищем.

...Этнографический парк СССР! Музей под открытым небом. Музей народной культуры. Жемчужины народного зодчества, предметы старинного быта, утварь, какую теперь уж не сыскать и за тысячу километров от Москвы. Шедевры прикладного искусства, а рядом археологические находки... Все тут, все рядом — под сенью высокого леса. И — на острове. Да, да, на острове. Откуда остров? Рукотворный, земснарядный. После создания Жостовского водоема тут оказалось достаточное мелководье — его подняли, укрепили, засадили лесом. Вот и остров.

Лес, сосны и солнце... Помнится деду, как радовались москвичи первым пансионатам возле Клязьминского водохранилища. Велика была жажда помять травушку. И мяли. И затаптывали почву меж деревьев и сокрушали подлесок... А ведь, оказывается, и для такого топтания, для вольного «шатания» по лесам есть научно обоснованные нормы. Не более 20 человек на один гектар пригородного леса — вот норма зеленого равновесия. Только тогда человек дереву друг. А что было в канун девятой пятилетки? На отдельные участки за Московским морем врывались ежесубботне по сто и более человек на каждый гектар. С гитарами, транзисторами, со спичками и топориками...

Это было детство нашего туризма. Но с годами москвичи научились дорожить своими лесами. И они обрели новую жизнь.

Чтобы леса и парки не вытаптывали, в каждом из них теперь создана тропиночная сеть. Ее прихотливый рисунок позволяет бродить без ограничений. Да, праздно шататься и в то же время не переступать грань той самой нормы. А сами леса? Они прорежены, благоустроены. Что это значит? Тут есть уже упомянутая достаточно густая дорожно-тропиночная сеть, туалеты, палаточные городки в самых неожиданных местах. Есть дрова возле очагов — места для безопасных костров. Выявлены и сохранены родники...

...Этнографический парк — это прекрасно. Но может, в Кунцево махнуть? Это ведь тоже чудесный маршрут для любознательных. Поехали!

Все с той же кручи открывается вид на те же просторы за Москвой-рекой. Ан нет, не те, давно уже не те просторы. А что же это? «Страна чудес»! Из-под сени кунцевских лип в «Страну чудес» можно спуститься в вагончике фуникулера. А там... там перед детьми и взрослыми предстанет наша Родина. Родная наша страна в уменьшенном масштабе, но со всеми географическими подробностями, включая побережья Ледовитого океана и Черного моря. Тут и Кавказ с его характерными приметами и Уральские горы. Желающие смогут даже спуститься в кратер вулкана, что на сопке Ключевской. Или проехать от Рижского взморья на Дальний Восток... в поезде детской железной дороги. А ведь это... Нет, конечно же, не десять тысяч километров, но за окном лежит доподлинная твоя Родина, мальчик!

Царство занимательной географии? Не только,— тут и аттракционы, и спортивные площадки, и цветники. Как говорится, все двадцать четыре удовольствия! Кстати, набор удовольствий будет значительно превышать две дюжины...

Имеются в твоем распоряжении, маленький Иванов, еще и детские парки. Например, в Орехове. Там целый город со сложным, вполне современным в смысле техники игровым оборудованием. И с автодорогой, по которой можно всласть погонять автомобильчик. А заодно — усвоить дорожные правила.

...Так куда же они, Ивановы, будут путь держать в выходные дни? Право же, глаза разбегаются, когда посмотришь на многоцветную карту Москвы с большим заголовком: «Куда поехать в выходной?»

В том же районе Бирюлево — Борисово — знаменитый парк-музей Царицыно с примыкающими Борисовскими прудами. Мечта проектантов осуществлена — создан большой природно-исторический комплекс «Ленино». Но и здесь, как и везде в парках,— отличный спортивный комплекс. А рядом дендрологический парк Бирюлево — с набором разнопородных деревьев. Он полупознавательного значения.

А Битцевский парк? Тут интересна планировка. Ближе к опушке — универсальный зал (танцы, кино, театр, выставки). Рядом спортивные площадки. А чуть в стороне, в тиши деревьев, — детский городок, горазды на самые невероятные забавы. Еще подальше, в глубине парка, пролягут замысловатые конные тропы — верховая езда восстановлена в правах!

Решение проблемы отдыха — это прежде всего зоны зелени, воды и тишины. Не газоны, на которые только ступишь — плати штраф, а лужайки, где и посидишь и поваляешься. Да, и поваляешься! Природа от такого обращения только выигрывает.

Сделано все, чтобы отдых был не бездумным. Учтены и проблемы патриотического, эстетического воспитания. Сохранены и реставрированы старинные усадьбы в последней подмосковной дубраве — в Останкине, в Покровско-Глебовском парке. В том же Царицыне сохранен и достроен екатерининский дворец. Сберегли и глубоко поучительную по архитектурному решению территорию славной Тимирязевки. Осуществлена и другая мечта москвичей — повсюду в Подмосковье оставлены лесные заказники (толстовское словцо!).

* * *

Мы заканчиваем свое путешествие. Нам удалось только мельком заглянуть в город двухтысячного года, мельком увидеть, как будут работать, жить, отдыхать в нем те, кому сейчас пять-шесть-семь лет, кто еще ходит в детский сад или в первый класс школы. Наши гиды — архитекторы помогли нам услышать, о чем мечтают сегодня люди, причастные к составлению и осуществлению Генплана.

Москвичи умели и умеют мечтать, умеют воплощать свою мечту в жизнь, они сделают Москву городом коммунистического труда и быта, городом, в котором радостно будет жить, трудиться, отдыхать.

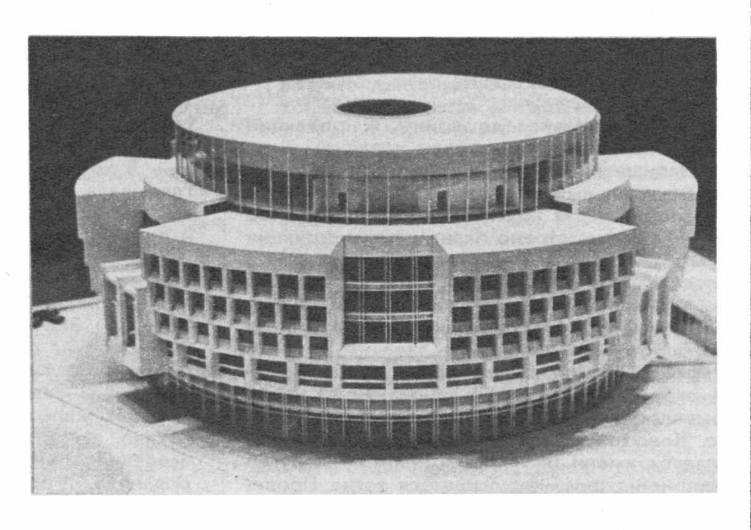
ФОРУМ НА АРБАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

ЭТО УНИКАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ ВСТАНЕТ НА АРБАТСКОЙ ПЛОЩАДИ — ТАМ, ГДЕ ОНА СЛОВНО СЛИВАЕТСЯ С ШИРОКИМ КАЛИНИНСКИМ ПРОСПЕКТОМ. ИМЕННО ЗДЕСЬ ЗАПРОЕКТИРОВАН ДОМ МИРА И ДРУЖБЫ НАРОДОВ. ЕЩЕ ОДНО ВЕЛИКОЛЕПНОЕ СТРОЕНИЕ УКРАСИТ ЦЕНТР МОСКВЫ.

Все в нем будет необычно: и форма здания и внутренняя его планировка. Необычно, но вместе с тем удобно. И функционально точно. Дом, словно огромный «круглый стол», для любых собраний, для самых широких встреч. Своей скульптурно выразительной формой этот дом организует и словно объединит все пространство площади, станет ее ведущим объектом.

Внутри здания предусматривается несколько помещений для конференций, заседаний, для дружеских бесед и широких симпозиумов. Два больших зала — один на 1 400, а второй на 650 мест — оборудуются усилителями звука и будут иметь пульты перевода на несколько языков. Наверху расположится Зал приемов. Декоративные элементы и внутреннюю роспись Дома выполнят известные советские и зарубежные художники.

К. КОСТИН

Макет Дома мира и дружбы народов.

ЭТО БЫЛО ДАВНО, ЭТО БЫЛО НЕДАВНО

Эминэ АБДУЛЛИНА

Человек привыкает не удивляться...
И все-таки ни с чем не сравнимо ощущение новизны. Не сразу даже скажешь, чем больше восхищаешься, когда поезд, оставив автозаводской берег Москвы-реки, направляется к новому Нагатинскому мосту — он и для метропоезда, и для автомобилей, и для пешеходов. Широкими просторами? Обилием воды? Справа, слева и еще там — за островом... Но как он появился на болотах, этот остров? И как у Нагатинского берега, на месте Новинковского рукава, очутилась сама река? И как у Кожуховского берега, где раньше было староречье, похожее на крутую дугу, образовались затоны?
А по выходе из метро, на пересечении Нагатинской улицы и Пролетарского проспекта, открывается вид на памятник древнерусского зодчества XVI века, на шатровый храм в Коломенском, которое, как по волшебству, приблизилось к центру столицы. А какой долгой была к нему дорога! Даже вошли в поговорку слова: «коломенская верста».

...Это было давно, до войны. В редакции центральной газеты мне дали задание:

— Напишите очерк о Нагатинском поселке. Судостроительный и судоремонтный завод в Нагатине — объект пятилетки. Строительство поселка предусмотрено планом реконструкции Москвы...

Тогда газеты день за днем рассказывали о том, как меняется облик столицы, как исчезают Охотный ряд и Сухаревка, Хитровка и Сукино болото. Нагатино было далеким уголком московской земли в окружении деревень, садов, огородов и пустырей. Единственная улица обрывалась у самой воды. До противоположного Кожуховского берега, где расположены автозавод имени Лихачева, «Динамо» и другие предприятия формировавшегося тогда Пролетарского района, кажется, рукой подать, а связи нет. Люди добирались до заводов кружным путем.

Помнится, я писала, как радовались рабочие первому здесь четырехэтажному дому. Больше, увы, писать было не о чем. Дальше меня преследовали только жалобы. Немощеные улицы утопали в грязи, кругом ямы-колдобины. Хаос стихийной застройки — домишки, бараки раскиданы как попало. В новом механическом цехе я застала спящих людей. Оказалось, что цех из-за холодов превратили в общежитие...

Когда я сдала очерк, заведующий отделом почесал затылок: «Крен в сторону критики. Сократить!..» Защищалась я отчаянно: «Не могу! Надо создать людям условия! И потом я же пишу о проекте будущего жилого квартала, о будущем новом проспекте. Нагатинский городок завтра будет построен!..»

Но завтра... началась Великая Отечественная война.

И вот недавно состоялась моя вторая встреча с Нагатинским жилым районом. Он уже отстроен на две трети, завершено создание знаменитого Нагатинского комплекса: замоскворецкого радиуса метро, моста, нового русла Москвы-реки и других инженерных сооружений. Я ходила по зеленым микрорайонам, заглядывала в новые дома судосборщиков, слушала их отзывы об этих домах. Беседы с ними и привели меня в мастерские зодчих.

Руководитель мастерской № 11 управления Моспроект-1 (она проектирует Нагатинский жилой район и Пролетарский проспект) Павел Петрович Зиновьев рассказал мне:

— Это был сложный процесс созревания городской территории, нетронутой, отдаленной. Теперь мы можем сказать: она стала одним из крупных жилых районов. Но решалась задача трудно. Из-за споров по поводу технического освоения поймы задержались сроки проектирования...

Как одолеть водную преграду, чтобы осуществить кратчайшую транспортную связь между южными и северными районами столицы? Как перешагнуть через пойму и топь? Какие же здесь потребуется воздвигать гидротехнические и дорожные сооружения?

Но тем временем Москва строилась дальше. На нагатинские площадки пришли «главные киты» — главмосстроевцы. И сама строительная индустрия поднялась на должную высоту. Богаче стали...

Да, богаче! Смогли выделить миллионные суммы на этот Нагатинский комплекс. Богаче стали и специалистами, способными быть творцами. Именно после постройки Нагатинского моста заговорили о главном инженере его проекта А. Б. Другановой.

Отличный был выдан Генплан, но в какой борьбе его отстояли! Сначала еще не было ясно: под землей или над землей пройдет путь с севера на юг столицы. Необходимо было мужество, чтобы в ожесточенных спорах защитить свою точку зрения. Одержал верх вариант, предложенный мастерской № 2 института Генплана Москвы, которой руководит Р. Г. Каверин, и мастерской № 11 Моспроекта-1. Было решено углубить Новинковский рукав Москвы-реки по Нагатинскому берегу, а ее собственное русло по Кожуховскому берегу закрыть перемычкой и перекинуть совмещенный мост.

Вновь прорытое русло — вторая река — немножко короче и полноводнее. Но главный смысл реконструкции: район приблизился к центру, заметно сокращено время, требуемое на поездку сюда. Оздоровлена громадная территория бывшей поймы — пятьсот гектаров московской земли.

Пролетарский проспект получил выход к реке. А от Садового кольца семикилометровая радиальная магистраль пробьется через крупнейший промышленный район столицы и перешагнет на другой берег Москвы-реки. Уже перешагнула.

«...Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском. Предо мной предстала красота целого. Гармония красоты законченных форм. Я видел стремление ввысь...» Эти строки принадлежат композитору Берлиозу, в прошлом столетии дважды побывавшему в России. Он видел такие памятники архитектуры, как Страсбургский и Миланский соборы, но «стоял ошеломленный» только перед шатровым храмом Вознесения в Коломенском.

После Великого Октября архитектурный ансамбль Коломенское, как сокровищница русского национального искусства, был взят под государственную охрану.

Особым вниманием окружено Коломенское теперь, многократно умножены усилия по его сохранению. Решено создать вокруг сооружений заповедную зону. В этом месте укрепляются склоны оврагов и берега Москвы-реки и сами фундаменты зданий. Дано новое название памятнику: «Архитектурный и природный музей-заповедник».

Когда новая городская застройка подошла к Коломенскому, были приняты меры, ограждающие ансамбль. Пролетарский проспект бережно обогнул заповедный угол. Дальнейшее строительство ведется с учетом потока посетителей заповедника и туристов. Более того, учтено, что вблизи заповедника будет парк для отдыха и туристский центр — здесь построят гостиницы, создадут парки.

Теперешний турист получит представление о Коломенском не только как о бывшей царской вотчине и местах соколиной охоты, о хоромах и палатах боярских. Сюда из разных уголков будут доставлены выдающиеся образцы русского деревянного зодчества, плотницкого и орнаментального мастерства, тут соберут предметы старорусского быта.

...Виктор Николаевич Сидоров, заместитель председателя исполкома Пролетарского райсовета, рассказывал о канувших в прошлое сценах во время выдачи ордеров, о первых новоселах Нагатинского жилого района:

— Были и обиды и упреки... Мол, загоняете к черту на кулички!.. Кое-кто отказывался от ордера...

В солнечный день, когда метропоезд пролетал по новому мосту, я услышала иное признание:

— До сих пор не верю, что живу здесь... У себя дома подойду к окну и смотрю на силуэт Коломенского... Или вот как сейчас: еду домой, нагляжусь на ширь вольготную, на красоту. Уж не говорю, что близко к центру... Двенадцать минут до Красной площади.

И вот городской человек, возвращаясь с работы, улыбается тому, что глазам его открылся включенный в великолепную оправу кусок природы.

БЕЛОЕ ЧУДО

А. СОФРОНОВ

Есть люди на земле, которые как бы не имеют возраста. И, хотя мы все знаем, что бег времени неумолим, все же както спокойно относимся к смене календарных дат, имея в виду тех, кого этот бег времени если и трогает, то скорей несколько физически, чем духовно.

Николаю Семеновичу Тихонову семьдесят пять лет. Три четверти века. Семьдесят один год, прожитые в двадцатом веке, и всего с небольшим четыре года — в прошлом. Это почти арифметика. Но сколько за этой арифметикой глубокого содержания! Сколько перед взором Николая Тихонова, одного из крупнейших и талантливейших русских писателей, прошло жизненных, социальных, драматических событий! Первая империалистическая война. Великая Октябрьская социалистическая революция. Великая Отечественная война. Послевоенные, полные пафоса коммунистического строительства годы. Неутомимость, потрясающая работоспособность. Многожанровость в литературе и в жизни. Высокая ответственность за судьбы миллионов людей во всем мире. Вот что такое советский писатель, бессменный председатель Советского Комитета защиты мира Николай Семенович Тихонов.

Мне однажды в жизни очень повезло. Знакомство с великим азиатским континентом у меня началось под руководством Николая Тихонова.

В конце 1949 года делегация советских литераторов отправилась по приглашению Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана в один из старинных городов страны — Лахор. Руководителем нашей делегации был Николай Тихонов. Это была нелегкая поездка. Всего два года прошло с момента отделения Пакистана от Индии. Еще бурлили разожженные английскими империалистами страсти. Еще лежал пепел на месте разрушенных городов и в семьях носили траур по погибшим в безрассудной резне, вспыхнувшей на почве религиозных предубеждений. И именно в это время, в этой поездке я увидел близко Николая Тихонова, был свидетелем его бездонной человеческой мудрости и подлинного гуманизма. Он ежедневно выступал, беседовал, разговаривал, читал стихи, встречаясь с десятками, сотнями, а на митингах и с тысячами людей. Уже и тогда седовласый Николай Тихонов словно бы олицетворял весь советский народ. К нему приходили поэты и ученые. На него с восхищением смотрели рабочие и крестьяне. Его забрасывали вопросами студенты и преподаватели. Он был всегда готов к любой встрече, к любой дискуссии. Неутомимый, подтянутый, легко переносящий трудности дороги и сложности нашего пребывания в новой стране, в которой тогда, кроме небольшой торговой делегации, не было ни одного советского человека, Николай Тихонов как-то сразу завоевал доверие пакистанцев. Уже позже, думая об этом, перебирая в памяти десятки различных фактов и подробностей, я невольно пришел к выводу, что происходило все это потому, что сам он был открыт своим сердцем каждому дружескому сердцу, что у него не было никакой искусственности в обращении с людьми, что он искренне уважал каждого человека, который приходил, искал встречи с советскими писателями.

Николай Тихонов, отправляясь с нами в Пакистан, был больше всех нас вооружен знаниями не только тех политических событий, которые происходили на этом участке азиатского континента, но и отлично, что называется, на ощупь, в подробностях знал историю этих стран, их культуру, события народной жизни и борьбы.

Однажды, в один из первых дней нашей жизни в Лахоре, когда мы ясным, солнечным утром пошли побродить по городу, он, остановившись на перекрестке, сказал: «А здесь, за углом, стоит пушка Зем-замах, из которой во время восстания воины, восставшие против английских колонизаторов, стреляли по своим угнетателям». Мы свернули за угол, и перед нами действительно предстала теперь уже молчащая, мемориальная пушка. Конечно, мы были изумлены. «Я просто знаю историю этой страны»,— смущенно сказал Тихонов. «Но разве вы были раньше в Лахоре?». «Не был, но я знал историю»,— повторил наш руководитель. И эта поездка, впрочем, так же, как и многие другие, не прошла мимо творчества Николая Семеновича. В одном из писем ко мне, уже в сентябре 1952 года, он писал: «Я сижу над своими пакистанскими рассказами...» А еще через три года он закончил повесть «Белое чудо», в основание которой легла и эта поездка и другие. В марте 1956 года он писал мне: «Посылаю Вам свою, известную Вам пакистанскую повесть «Белое чудо». В ней сейчас 16 глав. Так удобнее для чтения и печатания. Посмотрите ее еще раз глазами. Там, где все же нужны примечания, я охотно сделаю их... Пришлю Вам на днях еще кое-какие справки, поясняющие некоторые моменты повести с политической стороны. Прошу по перепечатании вернуть мой экземпляр и один перепечатанный, я его дам на прочтение афганскому специалисту. Страницу вместо предисловия пришлю завтра. Работаю над ней...»

Повесть «Белое чудо» была напечатана в журнале «Огонек» в 1956 году и была первым прозаическим произведением русской литературы о событиях жизни пробужденной и борющейся за национальную независимость Азии, увиденной глазами друга, советского писателя. Потом уже, читая и перечитывая эту повесть, мы узнавали глубоко написанные характеры людей, с которыми мы встречались во время первого путешествия в Пакистан. Свойственная Тихонову манера обобщенного и в то же время идущего от определенного человеческого характера так же, как в других его прозаических произведениях, проявилась очень ярко. Когда-то, очень давно, обращая свои стихи к людям гражданской доблести, героически сражающимся за свое отечество, Тихонов написал вошедшие навсегда в сознание строки:

Гвозди б делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей.

С момента появления этих крылатых строк прошли десятилетия, и все они живут как символ стойкости и мужества. У каждого из нас в памяти образ советского офицера Николая Тихонова в коротком армейском полушубке, стоящего рядом с защитниками Ленинграда. Мужественное перо Николая Тихонова продолжало работать и в осажденном фашистами городе. Именно там родились чеканные строки его благородной поэмы «Киров с нами».

Трудно, очень трудно охватить его многообразную деятельность. Творчество Николая Тихонова, его жизнь являют пример подлинного интернационализма. Не случайно он так популярен и любим писателями и читателями от холодных волн Балтики до знойных песков Каракумов. И это не просто дань уважения к аксакалу советской поэзии. Эта любовь завоевана десятилетиями прочной дружбы, доброго знания жизни народов наших республик. Нет большей радости для наших друзей — писателей азиатских и закавказских республик,— как встречи с Николаем Тихоновым. Он внес огромный личный вклад в дело популяризации поэзии братских республик. Бесчисленное количество поэтов получило достойное звучание благодаря тихоновским переводам жемчужин многонациональной советской поэзии.

Николай Тихонов является одним из русских писателей, проложивших зримую связь русской литературы с литературами советских азиатских республик. Связь эта, что называется, прослеживается не только в его собственных произведениях, но и в произведениях других русских писателей, которые вместе с Тихоновым еще в начале тридцатых годов обратили свои взгляды к Востоку. В историю советской

литературы запоминающимся эпизодом вошла поездка группы русских писателей в наши азиатские республики. В эту группу входили Николай Тихонов, Петр Павленко, Владимир Луговской и Григорий Санников. Для замечательного, мужественного поэта Владимира Луговского эта поездка во многом определила все направление его творчества. В нашей поэзии достойное место занимает несколько циклов его стихотворений, получивших общее название «Большевикам пустыни и весны». Николай Семенович был не только большим личным другом Владимира Луговского, но и заинтересованным наставником, постоянно заботящимся о его творчестве.

В сентябре 1952 года я, будучи в ту пору членом редколлегии журнала «Знамя», отвечавшим за отдел поэзии, получил от Николая Семеновича письмо, большая часть которого была связана с поэтической работой Луговского:

«Теперь о стихах Володи Луговского. Его цикл стихов о пустыне, Туркмении, людях — строителях Великого Каракумского канала очень живой, мужественный, реалистический и очень его — Луговского.

Крепкие стихи, по которым пробегает ветер пустыни и в которых слышен запах ночных костров работников пустыни, видны загорелые, сильные люди, «большевики пустыни и весны», которые строят коммунизм на месте смерти и тишины.

Правда, это стихи хорошего наполнения, оптимистические, целеустремленные. Мне кажется, их нужно напечатать в № 12 «Знамени». Если Алигер пойдет в № 11, то стихи Луговского хорошо кончат год.

Конечно, там, в стихах, есть мелкие неполадки, Вы, вероятно, уже говорили с Володей о них. Но я думаю, что все можно успеть исправить и, не задерживая в целом, дать в журнал — то есть приподнять по части стихов № 12 нашего «Знамени».

Последние стихи Володи дают основание надеяться, что он даст еще последующий цикл— уже о конченном канале — еще лучше и этим подведет итог всем своим книгам стихов, посвященных советскому строительству в пустыне».

Я привожу в этой статье только одно из многих писем Николая Тихонова, в которых он никогда не уставал обращать внимание на людей талантливых, чье творчество было посвящено людям, «которые строят коммунизм».

Не так давно Николаю Семеновичу Тихонову присуждена за книгу «Шесть колонн» Ленинская премия. В ней собраны рассказы и повести, рожденные в результате длительных поездок в страны Азии и Африки, в страны Арабского Востока. Но это были не просто поездки. Это — **тихоновское** отношение к борьбе народов за свои права. Отношение **советского** писателя, чуждого любования «восточной экзотикой». Филигранная по форме, глубокая по содержанию тихоновская проза одинаково близка и советскому писателю и зарубежному читателю. Да и как могло быть иначе? Сам Николай Тихонов в предисловии к сборнику пишет: «Больше десятилетия, с тысяча девятьсот сорок девятого по тысяча девятьсот шестьдесят второй год, мне пришлось много странствовать с миссией доброй воли, борьбы за мир по странам Юго-Восточной Азии, по странам Ближнего Востока... Азия, которую я видел, была не похожа на сегодняшнюю. Она дышала воздухом недавно свершившегося освобождения, жаждала прогресса, дружбы и сотрудничества со всеми миролюбивыми народами. С тех пор многое изменилось в жизни народов Ближнего Востока и стран Юго-Восточной Азии... разразились события, которые потрясли все великое пространство древнего материка.

...Должен сказать еще, что книгу «Шесть колонн» я писал с чувством глубокого уважения и сердечных симпатий к народам Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока».

Да, именно чувством симпатии, глубочайшим сочувствием борьбе народов пронизаны произведения писателя, пламенного борца за мир и дружбу народов.

Да и сам он, встречающий сегодня свое боевое семидесятипятилетие, является по образу своему **белым чудом**, человеком с белоснежной головой и юношеским, горячим сердцем!

Н. С. Тихонов.

Фото И. Тункеля.

НАШ БОЛЬШОЙ ДРУГ НИКОЛАЙ-АКА

Камиль ЯШЕН

Миллионы узбекских читателей называют Николая Семеновича Тихонова любовно и признательно: «Катта шоир Николай-ака», то есть: «Большой поэт Николай — старший брат». Так же называем его и мы, писатели. Любовь узбекского народа к выдающемуся русскому советскому поэту, наша благодарность за сердечное участие и постоянную помощь в развитии узбекской советской литературы ярко выразились в присвоении ему самого почетного для литератора в нашей республике звания — народный поэт Узбекистана.

Мы по праву считаем Николая Семеновича Тихонова аксакалом узбекской поэзии не только потому, что он посвятил нашему краю вдохновенные строки стихов и прозаических произведений. Великий знаток и ценитель поэзии народов советского и зарубежного Востока, он учил и учит нас писательскому мастерству. Пожалуй, нет ни одного значительного произведения узбекских поэтов, таких, как Айбек, Гафур Гулям, Уйгун, Зульфия, которое бы первым не читал в подстрочнике или художественном переводе на русский язык Николай-ака. Его авторитет аксакала, мастера советской поэзии, помогал и помогает нам уже многие десятки лет. Мы видим в нем достойного продолжателя демократических традиций поэзии Пушкина и Некрасова, революционной страстности Горького и Маяковского.

Уже в первые годы Советской власти мы, узбекские литераторы, были очарованы его поэмой «Сами» про индийского мальчика, проникнутой высоким духом пролетарского интернационализма. Теплота и душевность, с которыми нарисован в этой поэме образ Владимира Ильича Ленина, покорили наши сердца.

И когда Николай-ака приехал в Среднюю Азию, побывал в наших городах и кишлаках, проплыл на каюке по нашей бурной Амударье, мы знали, что его сердце поэта навсегда прикипит к нашему краю. Так оно и получилось. С тех пор мы в большой плодотворной дружбе с выдающимся мастером слова, глубоким мыслителем и философом, великим гражданином многонациональной Страны Советов, общественным деятелем мирового класса — неутомимым борцом за свободу и прогресс народов Азии и Африки, за дружбу народов и прочный мир во всем мире.

Двадцатилетним юношей он с восторгом встретил Великий Октябрь, красноармейцем-добровольцем участвовал в защите Петрограда от белогвардейцев и интервентов. Он с понятной всем нам гордостью пишет: «Я, как и многие поэты нашего времени, могу сказать, что меня сделала поэтом Октябрьская революция. Она открыла мне глаза на мир и воспитала во мне чувство того великого интернационализма, которое соединяет народы и дает им силу в борьбе за будущее, за укрепление лагеря мира, за выход демократических народов на путь социализма». Вот они, истоки нашего духовного побратимства с Николаем-ака, которые мы ощущаем в каждой строчке, выходящей из-под его пера.

Когда началась великая эпопея ленинградской обороны в годы Великой Отечественной войны, мы видели в стихах и статьях Николая Тихонова неотвратимость разгрома кровожадных фашистских полчищ, чувствовали героический дух воинов, ставших насмерть за торжество идеалов партии Ленина, черпали силы для победы. Этим жил весь узбекский народ, читая в переводе на родной язык его замечательные стихи и поэму «Киров с нами», удостоенные Государственной премии. Очерки, рассказы, листовки, статьи так же, как и стихи, написанные в те годы Николаем-ака, были мощными залпами «катюш» по ненавистному врагу. И мы, узбекские поэты и писатели, учились меткости и мощности ударов у своего старшего брата. Помнится, возглавлявший в ту пору наш Союз писателей поэт Хамид Алимджан говорил: «Пишите так же страстно, по-бойцовски, как Николай-ака в героическом Ленинграде!» И сам же первым с пронзительным чувством советского гражданина-интернационалиста писал по-тихоновски:

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости,—
И пролить свою кровь за тебя я готов.

Николай Тихонов для нас блистательный пример русского советского писателя, для которого успехи наших национальных литератур — радость, гордость, повседневное практическое дело. Признаюсь, я просто диву давался, когда слушал его глубочайшие высказывания о Хафизе, Омаре Хайяме, Саади, Рудаки, Джами, нашем великом Алишере Навои, Низами, Бабуре, Рабиндранате Тагоре, Абае, Токтогуле, Фуркате, Мукими, Хамзе Хаким-заде Ниязи. Он столько о них знает! Их гениальные строки сопровождают всю его жизнь, целые главы из их творений Николай-ака читает наизусть.

С каким восторгом слушали наши писатели его выступление в Москве на недавнем торжественном юбилейном вечере в честь пламенного узбекского поэта-революционера Хамзы Хаким-заде Ниязи, на котором он председательствовал! И уж, конечно, Николай-ака — настоящий знаток творчества наших писателей-современников Айбека, Гафура Гуляма, Мирзо Турсун-заде, Мирзы Ибрагимова, Берды Кербабаева, Шарафа Рашидова, Уйгуна, Зульфии, многих других писателей Советского Востока, а также Индии, Пакистана, Афганистана, Ирана.

Большой радостью для нас, узбекских писателей, было согласие Николая-ака участвовать в издании сборников стихов Фурката, Мукими, Хамида Алимджана, Айбека, Гафура Гуляма в серии «Библиотека поэта». Но, что примечательно, это было большой радостью и для него самого. Кроме редактирования, он тотчас же изъявил желание взять на себя труд также написать для этих сборников вступительные статьи.

Неохватность его интереса к нашим национальным литературам общеизвестна. Издавна он дружит с литераторами Грузии, Армении, Азербайджана. И мы подчас просто-напросто ревнуем, когда он едет на Кавказ, а не к нам, в Среднюю Азию. Ревнуем и восхищаемся результатами этих поездок. Благодаря им наши читатели получили такие замечательные книги Николая Тихонова, как «Стихи о Кахетии», «Грузинская весна». А сколько превосходных переводов на русский язык произведений грузинских и армянских поэтов принадлежит его перу!

Частые встречи с Николаем-ака на заседаниях Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки, Комитета по Ленинским премиям, который он многие годы возглавляет, каждый раз открывают все новые грани его выдающегося таланта общественного и политического деятеля, организатора литературного процесса. Все мы с благодарностью помним также его участие в Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки в 1958 году, когда родилось и укрепилось могучее миролюбивое и миротворное чувство дружбы писателей двух континентов, известное с тех пор как «дух Ташкента». Мы гордимся, что большая человеческая и творческая дружба связывает Николая-ака с известными узбекскими писателями, многими молодыми литераторами, в становлении которых Николай-ака принял самое непосредственное, без преувеличения отеческое участие. Эти личные контакты настолько крепки и многообразны, что нам иногда кажется, что наш Николай-ака живет совсем рядом, на одной из ташкентских улиц, точнее, на улице Пушкинской, в писательском девятиэтажном доме, построенном москвичами после землетрясения... Ждем, что он вот-вот напишет новые стихи о Ташкенте, о наших рекордсменах — хлопкоробах и золотодобытчиках. И это, право же, очень реально.

В одну из наших совсем недавних встреч с Николаем-ака в Москве он после традиционного «Салам алейкум — вааалейкум ассалам!» спросил:

— Ну, как у вас в этом году с хлопком? Неужели четыре с половиной миллиона? Это же достойно поэмы!

— Приезжайте, сами увидите,— решил я ответить сразу же приглашением.

— А погода?

— Самая хлопкоробская! Солнечно, тепло, в самый раз для стихов...

— Слушай, Камильджан, я читал в «Огоньке», что у вас там не только традиционные миллионы тонн «белого золота» плывут целой Амударьей, но и самое настоящее золото высшей пробы идет бурным потоком, удивляя весь мир!..

— И о золоте Мурунтау еще никто, так сказать, соответственных стихов не написал, Николай-ака...

— Годы, годы, Камильджан...

— Что ваши семьдесят пять годков, дорогой Николай-ака, на земле Узбекистана!.. На земле бессмертного Алишера Навои! У нас тех, кому за сто, не пересчитать... А вот настоящие поэты вообще не знают такого понятия, как возраст! Это же прямо к вам относится, дорогой... Одним словом, хуш келибсиз!

Переводить последние слова не понадобилось. Николай Семенович Тихонов, выдающийся советский поэт, наш большой друг Николай-ака, знает еще с тридцатых годов, что «хуш келибсиз» по-русски значит «добро пожаловать!».

Ташкент.

Один из двадцати восьми, Герой Советского Союза Григорий Шемякин, приехал погостить в родную дивизию. Сел среди бойцов и задумался, вспомнил товарищей и тот тяжкий, но славный день—16 ноября 1941 года...

16 НОЯБРЯ — 30 ЛЕТ ПОДВИГУ 28 ГЕРОЕВ-ПАНФИЛОВЦЕВ

Олег **СКУРАТОВ**

Фото Э. Эттингера.

ОГНЕННОЕ СЛОВО

В полку шли полевые учения. По равнине, пыля, проносились танки, стремительно передвигались цепи. Солдаты словно знали, что за их боевой работой внимательно следит прославленный ветеран полка, один из двадцати восьми панфиловцев, что стали легендой,— Герой Советского Союза Григорий Мелентьевич Шемякин.

Да, годы идут. В гвардейской дивизии имени генерала Панфилова теперь служат сыновья тех, кто отстоял Отчизну. И только бывший полковой разведчик старшина Александр Нищук по-прежнему служит в части, руководит Музеем боевой славы.

В зале обороны Москвы встретил Нищук Григория Мелентьевича, затем молча постояли они у стенда, где висит боевая шашка и бинокль генерала Ивана Васильевича Панфилова.

— Помнишь, как в ваш взвод приехал Иван Васильевич? — спросил старшина Нищук.

...16 ноября 1941 года. С той минуты, когда сержант Добробабин прочертил штыком на заиндевевшей траве линию окопа, прошло два часа. Работа спорилась. В дело пошли не только лопаты, но и котелки—ими выгребали землю. Уже обозначился внушительный бруствер.

— Эй, ребята! — крикнул дозорный Мусабек Сенгирбаев.— К нам брат Чапая идет!

Бойцы обернулись. От «эмки», что чернела на дороге, по полю шагал комдив.

Генерала Панфилова — бывшего чапаевского пулеметчика — знали и любили бойцы. Потому и называли «братом Чапая».

Осмотрев позицию, комдив покачал головой:

— Хороший окоп, но долго здесь не продержитесь... На бугре все как на ладони. Побьют вас издали. Глина за километр видна... Рыть надо ниже, за кустарником. Там не сразу заметят и земля почерней!

Панфилов помолчал.

— Прошу,— медленно произнес он.— Приказываю и прошу... С этого рубежа не отходить. Не отходить, даже если на вас пойдет вся немецкая армия!

...В музее части есть зал, на полу которого лежат знамена разбитых вражеских дивизий. На стене-карте пролегли стрелы огненного пути. От Крюкова и Истры до Риги и Курляндии. Но, чтобы пройти этим путем, надо было отстоять Москву...

1-я стрелковая рота. Здесь служили двадцать восемь панфиловцев. Тогда, в сорок первом, ее политруком был Василий Клочков, командиром — Павел Гундилович. Ныне ею командует один из луч-

ших офицеров части, старший лейтенант Леонид Лушпай.

Недавно рота участвовала в труднейших учениях. Тысячекилометровый марш, ночные тревоги... Но клочковцы показали отличную полевую выучку.

Вечером в Ленинской комнате бойцы роты встретились с Григорием Шемякиным. Командование части попросило его рассказать молодым панфиловцам о памятном бое с немецкими танками у разъезда Дубосеково.

Воины стоя приветствовали прославленного героя. Ветеран был смущен и растроган. Да, нелегко возвращаться в прошлое, в день, что, словно бы осколком снаряда, рассек надвое жизнь...

— В то утро — шестнадцатого ноября — выпала изморозь, и за туманом пропала деревня Нелидово, где были фашисты,— рассказывал Шемякин.— Выслали дозоры. Часов в восемь красноармейцы Емцов и Шадрин доложили: «Слева, в поле, немцы. Мы чуть не наткнулись на них! Балагурят вовсю, идут как на блины к теще!» Мы затихли и скоро явственно услышали шум шагов по мерзлой земле. «Стрелять по команде»,— предупредил сержант Добробабин.

Тут я увидел: цепь автоматчиков вышла из полосы тумана. Темно-зеленые мундиры хорошо видны в белом молоке. Многие гитлеровцы показывали на бруствер окопа. Того, что мы вырыли до прихода Панфилова. Траншею в кустарнике они не замечали. Вот ведь какой был наш генерал: все предвидел!

Дружный залп и долгая очередь ручного пулемета Ивана Шепеткова бросили на землю переднюю шеренгу немцев.

Попав под шквальный огонь, гитлеровцы побежали. Но спасительной пелены тумана достигли немногие.

Смотрю: наш аксакал — самый старший во взводе — Аликбай Касаев положил каску на край окопа, приник к ней ухом. «Ты что делаешь?» — спрашиваю. «Да вот слушаю... Земля гудит!»

Через десять минут шум танков слышали все. Они шли прямо на разъезд. Вот выплыли башни из клочьев тумана. Вначале показались три в центре, затем еще и на флангах...

В этот миг по окопу пронеслось: «Ребята! Смотрите, Диев!» Оглянулся: точно, к нашему окопу, пригнувшись, бежал политрук Клочков. Забыл сказать: мы его между собой называли Диевым. Как-то Яша Бондаренко сказал: «Наш политрук завжди диє». Это по-украински означает «всегда действует». Вот и появилась у политрука вторая фамилия. Под этой фамилией и узнала о нем впервые вся наша страна... Спрыгнул Клочков в окоп. «Ну что, друзья? — сказал он.— Двадцать танков? Меньше чем по одному на брата. Это не так много!»

...Я слушал Шемякина и думал, что в ту тревожную минуту, когда люди смотрели в лицо смерти, эти простые слова Клочкова-Диева оказались тем живительным источником уверенности, которая и слабому придает смелость.

И произошло то, чего не ждали сидевшие за толстой броней вражеские танкисты, что не было предусмотрено ни одним боевым уставом мира: навстречу танкам поднялись пехотинцы. Они стремительно атаковали, не дожидаясь, пока бронированный вал перервет тонкую нить окопа. Рев моторов потонул в разрывах гранат.

Затаив дыхание, слушали молодые бойцы рассказ участника беспримерного боя. Григорий Шемякин говорил медленно, припоминая каждую минуту сражения. И все, кто слушал его, невольно переносились в прошлое, к тогда еще безвестному разъезду Дубосеково.

Перед окопом панфиловцев стеной поднималась черная бензиновая гарь. Шесть. Восемь. Четырнадцать вражеских машин пылали на искореженной земле. Но нет передышки измученным бойцам, не довелось им схоронить погибших товарищей: сквозь дым и туман шел второй эшелон танков. И вновь обратился политрук Клочков к оставшимся в живых:

— Тридцать танков, друзья, теперь уже больше чем по два на бойца... Придется нам всем умереть, наверно... Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

— Мы поднялись из окопа,— говорил Шемякин,— встали за разбитые машины и встретили танки последними гранатами. Помню, как на танк пошел Василий Клочков. Связка его гранат разорвалась под днищем, размотала с катков гремящую гусеницу. Это был последний миг в жизни политрука — он упал, пронзенный пулями...

В июле сорок второго, в день опубликования Указа о присвоении двадцати восьми панфиловцам звания Героя Советского Союза, трудящиеся Алма-Аты пришли к 19-й средней школе. От этого здания уходила на фронт панфиловская дивизия.

С трехлетней дочкой Элей стояла в толпе и Нина Клочкова — жена политрука. Ей казалось: совсем недавно выходил Василий из дверей этой школы в новой форме, с тремя кубиками в петлицах. Он подхватил дочь на руки и пошел фотографироваться. Через полчаса колонна дивизии двинулась к вокзалу, и фотограф не успел отпечатать снимок. Принес мокрый негатив. «Вот, подпишите...— сказал он Клочкову, протягивая булавку.— На память». Клочков перед самым отходом поезда сделал надпись: «И за будущее дочки ухожу я на войну...» Вот она, эта фотография,— «Огонек» публикует ее впервые.

Пришла похоронка и в семью Григория Шемякина. В той огненной круговерти дней право на ошибку имели и писаря. Солдат был жив, вытащен из окопа путевым обходчиком с разъезда Дубосеково. А через три месяца, подлечив раны, Шемякин уже шагал в рядах маршевой роты по льду Ладожского озера в блокированный Ленинград. Панфиловец не ведал, что вся страна узнала о подвиге двадцати восьми, что здесь, в осажденном Ленинграде, о нем и его товарищах поэт Николай Тихонов сложил замечательные стихи:

...Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах
поколений
Дубосекова темный разъезд...

Однажды, в одно из редких затиший на Пулковских высотах, его вызвал командир батальона...

— Ты как попал к нам, Шемякин? Из госпиталя или из дома?

— Из госпиталя, товарищ майор. Был ранен в бою с танками.

— А где?

— У Дубосекова, в дивизии генерала Панфилова.

Майор протянул Григорию лист газеты с отчеркнутой карандашом строкой.

— Прочти, Григорий Мелентьевич... Теперь ты не просто солдат, а Герой Советского Союза, рядовой Шемякин! Поздравим его, товарищи командиры!

Жив еще один из двадцати восьми, Герой Советского Союза Иван Демидович Шадрин. Не сняли с груди гвардейского знака и другие панфиловцы. Члены Алма-атинского совета ветеранов-панфиловцев, руководимого бывшим политруком Степаном Митрофановичем Щегловым,— частые гости в родной дивизии. Ветераны выступают перед молодежью, работают в допризывных комиссиях, отбирая лучших для службы в прославленной дивизии.

...Каждый день на вечерней поверке Первой стрелковой роты взволнованно звучит молодой голос:

— Герой Советского Союза политрук Клочков пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины!

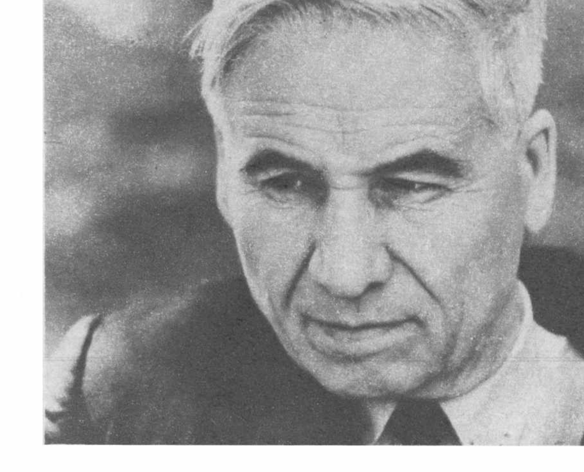
На тридцатилетнем юбилее дивизии в присутствии ветеранов выступил молодой воин роты гвардии сержант Анатолий Рыбалко:

— Мы носим гордое имя — клочковцы. И воспитываем в себе такую же беспредельную любовь к Родине, что вела в бой Василия Клочкова и его товарищей. Их пример учит нас держать порох сухим, любить свой народ, ненавидеть его врагов!

...Спустя несколько дней прозрачным осенним утром мы подошли к кромке старого окопа у разъезда Дубосеково. Время сравняло воронки, стерло следы танковых гусениц. Но вот лежит пробитая осколком каска. Высится памятник. Сверкает в лучах солнца золото надписи, навсегда увековечившей подвиг двадцати восьми героев.

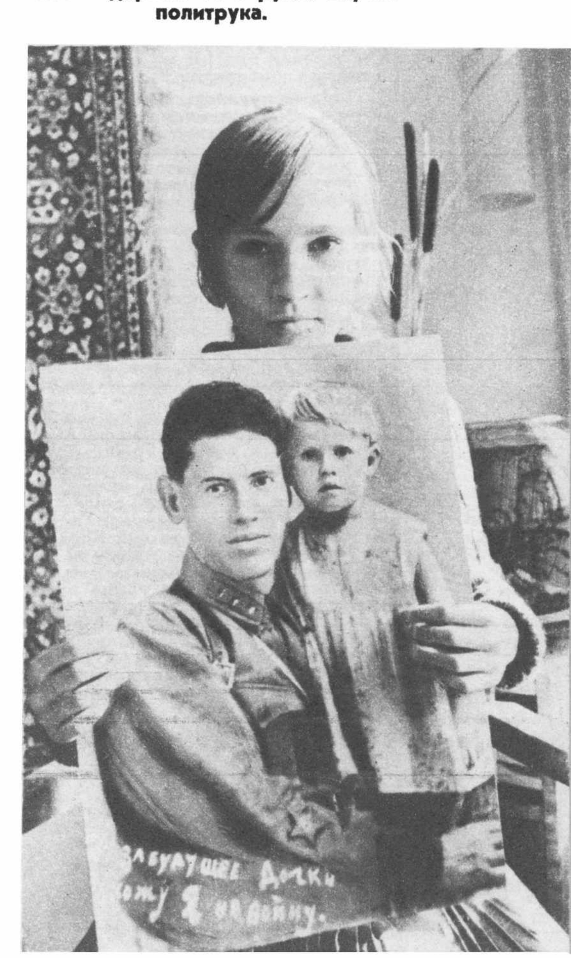
И, кажется, поныне звучит над этим местом огненное слово политрука Клочкова:

— Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

Бывший панфиловец, председатель Алма-атинского совета ветеранов прославленной дивизии С. М. Щеглов.

Эта фотография Василия Клочкова с дочерью Элей публикуется впервые. А держит ее в руках внучка политрука.

ПОЛИТРУКА

На троллейбусной остановке было много народу, и я пошел пешком. На скамейках бульваров уже сидели молодые люди. С голых черных веток падали капли, с фырканьем отъезжали от АПН легковые машины, а радуга мчавшихся по крыше «Известий» букв извещала, что транспортное агентство быстро и дешево решит все наши проблемы. С Тверского бульвара были видны сияющие айсберги Нового Арбата — опробовали первомайскую иллюминацию. Праздник был совсем рядом.

Я помню, как мучительно медленно тянулось раньше от праздника к празднику время, а сейчас оно будто перешло на какой-то новый счет, побежало, помчалось, не успеваешь оглядываться. А может, это не время, а я сам быстрее побежал через него? Ушли, остались за спиной вчера, и позавчера, и год, но они не пропали, не растворились в сумерках времени, а замерли, как плиты туннеля, через который я иду к станции счастья. Я думаю, что время постоянно и существует все целиком, как мир, как вселенная. Люди для своего удобства разделили время на доли, как кинопленку на кадры. А потом забыли об этом и стали поклоняться не времени, а долям, загнав себя в клетку циферблата, в лабиринт перекидных календарей, где вчера предшествует сегодня, которое идет всегда перед завтра. Но ведь всего два дня назад твое вчера должно было стать завтра! И из-за того, что я часто думаю об этих чудесах, мне непонятны люди, легко и охотно забывающие свое вчера, живущие только сегодня и плюющие в завтра, потому что я свято верю: время не разделить на эти крошечные ломтики, и завтра — это кусок моего вчера. Ведь в движении кинопленка времени может свернуться, и вчера опередит завтра. Кто его знает, какое для этого нужно движение, и, возможно, световая скорость для этого не нужна, а достаточно раз в жизни промчаться по стене. Но смотреть в завтра страшно из-за того, что для этого надо проехать по стене. Мы никогда не могли договориться с матерью, возможно, потому, что она терпеть не может смотреть в завтра. Для нее будущее — ближайшие десять минут, и когда она говорит со мной о моем будущем, это тоже разговор о сегодня. И мне бесполезно говорить с ней о том, что время можно свернуть и посмотреть в свое завтра — оно для нее непостижимо. Я ни за что не осуждаю ее: нельзя требовать от молодой и неприспособленной женщины с маленьким ребенком на руках, когда муж пропал без вести, выполняя задание в тылу врага, чтобы у нее достало сил совершить бросок по стене и рассмотреть свернутую в движении ленту времени. Просто она сказала мне: «Стас, я еще молодая женщина, ведь и мне надо устроить свою жизнь». Я этого не понял и не принял. Тогда я не понимал этого, потому что знал: устраиваются на работу, устраиваются на «спецжиры», наконец, устраивают в школе вечер. Но как можно устроить жизнь, я не понимал. Впрочем, и потом я так и не усвоил для себя второго, глубинного смысла этого слова.

Отца я совсем не помню, потому что он ушел на фронт, когда мне было три года. В эвакуации у нас пропали все вещи, и не осталось даже его фотографии, и было у меня лишь полустершееся воспоминание, как незадолго до войны отец принес домой радиоприемник, включил его, и из загадочного ящика ударил бравурный марш, а я от неожиданности напугался и заревел благим матом, и отец таскал меня на плечах, распевая:

> Испугался мальчик Стас —
> В дом явился Карабас.
> Ну-ка, свяжем ему руки,
> Ну-ка, снимем с него брюки,
> Ну-ка, всыплем мы ему,
> Чтобы помнил Карабас —
> Не боится мальчик Стас...

Мне очень нравилось, что мы снимем с грозного Карабаса брюки и всыплем ему, чтобы он не пугал маленьких детей. И больше я ничего не помнил, все растворилось, утекло, исчезло. Иногда я просыпался по ночам и долго бормотал: «Испугался мальчик Стас...»,— пытаясь этими словами вызвать в памяти облик отца, потому что еще мгновение назад он разговаривал со мной во сне, большой, веселый, сильный, но лица у него не было, и это мучило меня, как боль.

Мать вышла замуж за преподавателя немецкого языка с той же кафедры, где работал отец. Это был добрый, рыхлый, очень флегматичный и чрезвычайно трудолюбивый человек. Мы переехали к нему и прожили вместе одиннадцать лет, до тех пор, пока я не поступил в институт. Тогда я вернулся к нам на старую квартиру, где живу до сих пор. Вскоре мой отчим умер. И хотя мы прожили много лет вместе, я редко вспоминаю о нем, будто это случайно встреченный на улице прохожий. Я совсем не узнал его за все годы, так он и остался в моей памяти каким-то молчаливым, серым пятном. Наверное, это получилось из-за того, что я сам был ему совсем неинтересен, и он всегда был со мною безразлично ласков, как с соседской кошкой. Вежливый, спокойный, скромный, как пожилой театральный статист. Ведь никто не приходит в театр рассматривать игру статистов, а он был прирожденный статист, и, когда он ушел со сцены, похоже, что никто этого и не заметил.

Когда он умер, мне было восемнадцать лет, а матери тридцать девять, и она была еще очень красивой женщиной, и я был уверен, что она как-либо будет устраивать свою жизнь. Мы часто ссорились с матерью, и она, сердясь и грустя, говорила мне: «Папочка! Вылитый папа!»

А потом она вышла замуж за молодящегося полковника в отставке.

Полковник Хрулев оказался веселым, хорошим мужиком, и я был доволен за мать, потому что с ним она чувствовала себя в жизни уверенно и твердо, а он действительно помолодел на двадцать лет, и они оба вроде устроили свою жизнь и были счастливы, радостны и удовлетворены. И оттого, что они оба были уже немолоды и встретились после долгих жизненных мытарств, они как-то недоверчиво относились к прочности своего благополучия, неся его, как переполненную чашу, на вытянутых руках, всецело поглощенные охраной своей непрочно устроенной жизни, никогда не заглядывая в завтра и напрочь зачеркнув вчера, потому что время существовало для них только в форме сегодня, и если бы они могли, то наверняка остановили бы солнце, лишь бы оттянуть, задержать закат, после которого должно прийти совсем неизвестное завтра. В этой их погруженности в свои проблемы мне не было места, и я снова все чаще и чаще вспоминал отца, потому что у меня накопилось уже много вопросов, которые я не мог решить сам и обсуждать ни с кем не хотел.

Но посоветоваться, поговорить было просто не с кем: лицо моего отца забылось, как будто его совсем не было, и от этого меня охватывало чувство горечи, обиды на мать, словно она была виновата в том, что у нас пропали все вещи, а с ними все фотоснимки. И тогда отец стал защитником всех моих сумасбродных и странных поступков, потому что я поверил: будь он жив, мы бы смогли с ним о многом договориться, он бы многое понял, чего мать не понимает и не желает понимать. Он стал для меня пробным камнем, символом отрицания того, что делает и говорит мать.

Но оттого, что у него в моих воспоминаниях не было лица, объемности, из-за того, что я не мог с ним никогда поговорить, я начал постепенно с тоской думать, что, может быть, его не было совсем, моего отца, и никто не таскал меня на плечах, распевая «испугался мальчик Стас», никто больше не уверит, что «не боится мальчик Стас», и не с кем будет повязать разных карабасов моей жизни.

Уже поступив в милицию, я пошел в университет и там в архиве разыскал личное дело отца. И когда трясущимися руками я перевернул обложку пожелтевшей, выцветшей папки, меня точно в сердце ударило: с первой страницы анкеты на меня смотрело мое лицо. Короткие жесткие волосы, сердитый взгляд, уши торчком. Тихонов Павел Михайлович, 1916 года рождения.

Конечно, это биологическая случайность — я мог быть похож на мать или не походить ни на кого из родителей. Но в двадцать два года случайностей не бывает: мир предопределен и заранее продуман, как схема телевизора. Именно тогда я впервые подумал, что время едино и человек может возвращаться в свое вчера и заглядывать в завтра. Я хотел незаметно от секретарши вырвать из папки фотографию, а потом раздумал, сложил пожелтевшие корочки и ушел. Мне больше не нужна была фотография, потому что показывать ее было некому, а моя память навсегда перенесла ее в завтра.

Я не могу сказать, что любил отца. Наверное, это называется как-то по-другому, потому что люблю я, несмотря ни на что, мать. А с отцом все по-другому. Это какое-то эгоистическое чувство нашей с ним неразделимости. Когда я увидел его фотографию, у меня будто щелкнуло что-то в мозгу, открылся клапан, и понеслись одна за другой картины былого или придуманного, где нам было три года или тридцать, он нес меня на плечах по Красной площади на демонстрации, а я подавал ему вторым номером патроны у пулемета; потом он стоял в хоккейной маске в воротах, и я бросал ему нижнюю, «резаную» шайбу, и он стыдил меня из-за того, что я горько плакал, когда меня бросила Лера, или, может быть, это я утешал его, что мать вышла замуж за Хрулева, но все это кружилось в бешеном круговороте, и я не мог нас разделить, где он и где я, потому что мы встретились впервые, когда он уже погиб, и для этого я пришел из его завтра в свое вчера.

Тогда-то я понял, почему у нас с матерью такие неважные отношения. Я остро, болезненно ревновал ее к рыхлому, флегматичному преподавателю немецкого и полнокровному, веселому Хрулеву, которые должны были устраивать с ней жизнь после отца. А он был со мной неразделим, он был я, и я не мог допустить, что мы с отцом убиты уже, а они заняли наше место, и, значит, она их больше любит, чем меня-отца. И я люто, бессознательно ненавидел карточки на хлеб, вещи, очереди, человеческое одиночество, всю войну вообще, из-за которой у людей возникает необходимость устраивать жизнь, зачеркивать вчера и отворачиваться от своего завтра.

А мать я любил и ненавидел, как можно любить и ненавидеть самого счастливого из всех несчастных людей, потому что она не смогла в труднейший момент своей жизни проехать, пройти по второму измерению, чтобы свернулась лента времени; она не захотела и не сумела сделать вчера своим завтра, а только надеялась устроить свою и мою жизнь, не понимая, что жизнь нельзя устроить для себя: время едино, и завтра — всегда часть твоего вчера, а вчера еще был наш отец, но она поверила, что он мертв, когда он еще мог быть жив, а жизнь нам таких вещей никогда не прощает.

Годы шли, шли, шли, пока я понял, что моя любовь и ревность к матери — это половина памяти отца, а ненависть — это бремя верности этой памяти, которое я хотел возложить на нее, а она не могла его снести, потому что была обыкновенной слабой женщиной, и я не вправе требовать от нее умения чувствовать единство времени, где память есть любовь, а завтра — только часть твоего вчера.

Я поднялся по лестнице на второй этаж большого дома, старого, очень помпезного, удобного, какие строили в Москве в начале века.

Мать открыла мне дверь, сказав:

— Я и не думала, что ты будешь так скоро.— Она подставила мне щеку для поцелуя, и я почему-то подумал, что мать никогда меня не целует, наверное, чтобы не испачкать помадой.

В прихожей стояла миловидная девушка в пальто — она, по-видимому, прощалась, когда я пришел. Мать сказала: «Познакомьтесь, пожалуйста...» Началась ненавистная мне процедура знакомства. У меня есть мерзкая привычка не слушать, когда незнакомый человек называет свое имя, из-за чего уже через две минуты я попадаю в дурацкое положение: вместо того, чтобы называть его по имени, приходится выдумывать всякие безличные обращения вроде «видите ли» или «понимаете ли». Кроме того, знакомясь с неинтересным тебе человеком, нужно непременно говорить пустые, ничего не обозначающие слова. «Очень рад». Поче-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46.

му это я очень рад?.. В общем, пробормотал я что-то там вежливенькое, да и девушка, видно, была разочарована несоответствием моей весьма заурядной внешности с той легендой, что была тщательно создана матерью. На том, слава богу, и расстались. Мать проводила ее и доверительно сообщила мне:

— Очень способна...

Я не удержался от ехидства:

— Наверное, уже выучили «Жаворонка»?

Мать взглянула на меня и весело засмеялась:

— За этого «Жаворонка» можно было бы купить жар-птицу!

Ах, как я люблю смотреть на мать, когда она смеется! Исчезают морщинки, незаметна легкая желтизна кожи, а глаза, голубые, выпуклые, как озера весной, светятся добром и весельем. Она смеется совершенно беззвучно, и только радостно полыхают ее глаза.

Я покачал головой:

— Не понимаю тогда, зачем ты с ними занимаешься.

Мать пожала плечами:

— Техника все больше машинизирует людей, им не хватает эстетического воспитания, понимания красоты искусства...

— При такой широте подхода надо это делать бесплатно,— предложил я.

— Но ведь мне и для себя необходимо создать видимость необходимости людям,— сказала она, и я не понял, шутит она или всерьез.— Ты так погружен в эту проблему, что и я стала над ней задумываться всерьез.— И мать снова засмеялась.

Потом она, как всегда, без малейшего перехода сказала:

— Стас, дорогой мой, мы с тобой стали совсем чужие. Ты так отдалился!

— Что делать, мама,— развел я руками,— у меня очень мало свободного времени...

— А разве в этом дело? Я ведь совсем не знаю, как ты живешь, и меня это очень пугает. Я, наверное, стала уже старая, и все время думаю о тебе, и очень боюсь за тебя...

— Чего ты боишься? — искренне удивился я.

— Стас, я совсем ничего не знаю о тебе. Не знаю, с кем ты дружишь, с кем сталкиваешься по работе, что ты делал сегодня и год назад...

— Мама, мы с тобой уже говорили об этом. Мир, в котором я обращаюсь, тебе непонятен и неинтересен. И жизнь моя не меняется: и восемь лет назад и сегодня я разбирался с одним и тем же вором по кличке Батон. Вряд ли ты горишь желанием познакомиться с ним лично.

— Я говорю не о том! Вчера ко мне приходил Вадик Петриченко...

— Знаю, знаю! — перебил я.— Вадик — твой любимый ученик, мой ровесник и уже лауреат международного конкурса! Но я, мама, не хотел и не мог стать пианистом: у меня слуха нет. В этом-то хоть я не виноват?

— Ты так гордишься отсутствием слуха, будто за это диплом выдают. Но ты напрасно меня перебил, я еще не такая бессмысленная старуха, какой ты меня всегда представляешь. Вадик мне рассказал страшную вещь. Ты помнишь Лю Ши-куня?

Я кивнул:

— Пианист, ему хунвэйбины камнями раздробили руки.

— Так ты знаешь об этом?

— Я читаю газеты.

— И говоришь об этом так спокойно?!

— Мама, я не говорю об этом спокойно. Но что можно сделать? То, что происходит там,— как чума, как градобой...

— Но ведь это сделали люди, а не микробы и не град!

— Да. Но я-то что могу сделать? Я-то здесь при чем?

— Ах, Стас, ты не видел, какие у него были руки! Он маленький, худенький, как тростиночка, а руки будто выточенные из бамбука — тонкие, нервные, сильные, как птицы. И по ним били камнями. Камнями! Ты понимаешь, как это страшно!

Мать замолчала, нервно раскуривая сигарету. Две недокуренные дымились в пепельнице. Я аккуратно погасил их.

— Я почему об этом с тобой говорю,— сказала мать, судорожно вздохнув,— твоя жизнь уходит на то, чтобы ловить воров и хулиганов. Я боюсь за тебя, боюсь, что вся твоя жизнь уйдет ни на что. Ну, ответь мне по-человечески, чтобы я поняла, если я действительно такой отсталый человек, почему именно ты должен ловить жуликов? Каждый творческий человек выбирает себе работу по призванию. Разве твое призвание — ловить жуликов? Разве вообще есть такое призвание?

Я сидел молча, раздумывая над ее словами. Как же мне ответить ей?

— Ну почему ты молчишь?

Да, действительно, разве бывает такое призвание? Так я и сидел молча и рассматривал комнату матери — другой мир, в который мне не было доступа, потому что у меня с детства не было слуха, а главное, желания проникнуть в этот мир, и интересовали меня совсем другие вещи, а мать была занята устраиванием жизни и воспитанием будущего лауреата Вадика Петриченко, который, по-моему, уже лет в семь точно знал свое призвание и был действительно хороший парень — вежливый, скромный и трудолюбивый и с абсолютным слухом. Так что я медленно и неуклонно открывал футляр своего мира: задымленные милицейские дежурки, неистребимый запах пота и капусты в тюрьмах, тревожная сонливость засад, витиеватая матерщина задержанных хулиганов, всегда пугающий холод уже остывшего трупа...

Интересно было бы перевесить с этой стены в мой служебный кабинет портрет Стравинского. Нельзя. И нельзя перенести фотографию Рахманинова, и неуместен там маленький бюст Бетховена, все эти кашалотовы зубы, бронзовые подсвечники, раздерганные пожелтевшие ноты. Нельзя. Я и сам был уверен, что наши миры разделены прочно, навсегда. А оказывается, что жизнь их связывает, как подземные реки.

«...Твоя жизнь уходит на то, чтобы ловить воров и хулиганов...» Но ведь где-то таких же хулиганов приучают разбивать камнями руки? Как же объяснить матери, что мое призвание не только в том, чтобы ловить жуликов, а и в том, чтобы не позволить хулигану раздробить пальцы лауреату Вадику Петриченко? Ведь дело не в одном лауреате и не в одном хулигане. Господи, как же называется мое призвание?

— Мама, ничего я не могу тебе сказать. Тут словами ничего не скажешь, это надо чувствовать, как я это чувствую в себе...

— Все разумное, осмысленное можно сказать словами,— сказала мать.

— Нет,— покачал я головой.— Не все. А может быть, это во мне еще неосмысленное. Я никогда тебе не рассказывал про стеклянный ключ?

— Что за ключ?

— Стеклянный. Может быть, я его придумал или приснился он мне, но для меня он все равно существует. Это ключ, который вручили человеку жители прекрасной земли добра и счастья. Только этим ключом можно открыть замок в воротах их земли. Мудрый старик у ворот пропускает в этот край всех хороших людей. А если придут плохие, то, даже убив привратника, они не смогут войти...

— Почему? — спросила мать.— Они возьмут его ключ и войдут.

— Нет. Ключ стеклянный. И от злой радости, от сознания, что в страну счастья можно войти через зло и насилие, у них будут трястись руки, и ключ в замке сломается. Потому что пользоваться им может только человек с твердыми руками и добрым сердцем...

— И что? — спросила мать, и я увидел, как глаза ее наливаются слезами.

— Мама, я хочу быть человеком с ключом.

— Стас, но тебя на это никто не уполномочивал,— сказала мать и заплакала.

— Это правда,— грустно кивнул я.— Но ведь хотеть-то я могу...

— Ты просто инфантилен. У тебя остался детский ум!

Да, это, наверное, правда. Но это не имеет значения. Так что я сказал:

— Ладно, мама, не будем больше говорить об этом. Здесь нам с тобой ничего не изменить...

Зазвонил телефон. Быстрым точным движением мать провела платочком по лицу, не размазав ни одного косметического штриха, достала из-под рояля трубку и сказала: «Аллеу».

...Через мгновение она с увлечением обсуждала со своей приятельницей новую прекрасную программу Михновского, чем-то возмущалась, огорчалась, радовалась, восхищалась чьими-то шведскими замшевыми сапогами, и я пожалел, что рассказал про стеклянный ключ. Не надо, конечно, было говорить о ключе, о нем ведь знаю только я, и, когда я сказал о нем вслух, что-то изменилось. Но мне так хотелось, чтобы она поняла.

Я достал из кармана портсигар и держал его наготове, чтобы сразу вклиниться между отбоем и подробным пересказом — для меня — всех деталей этого разговора.

— Ой, какая прелесть! Откуда у тебя такая вещица?

— Это изъятый «вещдок». Я не могу разобрать...

— Твое призвание не пострадало, если бы ты держал свой ключ в таком футляре? Заработанном или наградном...

Я посмотрел на мать и вновь пожалел, что рассказал про ключ. Глупо было об этом рассказывать. Ну просто глупо. Я сказал:

— Хорошо, я подумаю. Посмотри, пожалуйста, что это за ноты на нижней крышке.

Мать, прищурясь, рассматривала нотные знаки этого необычного золотого клавира и длинным тонким пальцем отстукивала на полированной крышке стола ритм, а я мучительно старался не смотреть на этот тонкий нервный палец, потому что точно такие сухие тонкие пальцы, совсем не мужские, трепетные и хрупкие, были у Вадика Петриченко, и уж, наверное, ничем, разве что цветом, не отличались они от рук Лю Ши-куня, которого я никогда не видел.

— Это токката Панчо Велкова...

— Что, что? — переспросил я.

— Есть прелестный болгарский композитор,— начала подробно объяснять мать...

Продолжение следует.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Умер Александр Александрович Коваленков, хороший русский поэт, человек красивой и скромной души. После него остались светлые стихи, остались песни, которые поет народ, осталось множество учеников, выпестованных им за четверть века работы в Литературном институте.

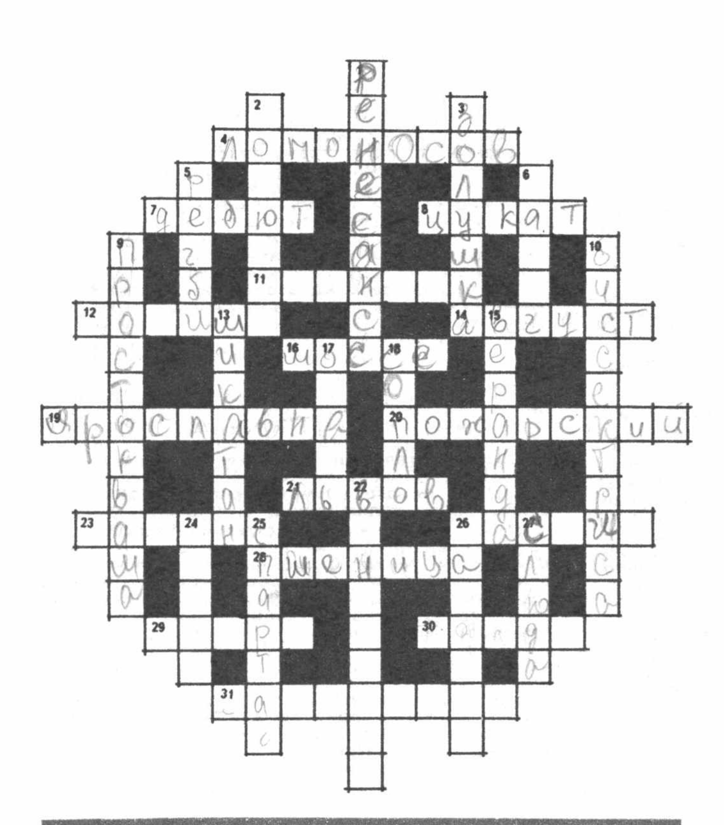
Удивительной была его способность разглядеть в незнакомом юноше, с тетрадкой ученических стихов, будущего поэта со своим голосом, со своей темой, со своей мелодией. Александр Александрович не учил писать стихи — он учил умению видеть красоту и многообразие мира поэтического слова. Многие из тех, кто приходил к Александру Александровичу на творческие семинары, стали популярными, широко известными поэтами, а сам он оставался все таким же скромным, настойчивым и бескорыстным.

Выходили, неизменно радуя читателя, сборники его стихов, рассказов, звучали по радио и с эстрадных подмостков его песни, печатались интересные статьи по теории и практике стихосложения. Песни, написанные им, несли в себе и заряд оптимизма и налет легкой грусти. «Солнце скрылось за горою, затуманились речные перекаты...» — вспоминаем мы и уже в двух этих строчках видим вечерний пейзаж отошедшего усталого дня. «Когда душа поет и просится сердце в полет...» — возникает в памяти другая песня, и сразу как-то подтягиваешься, собираешься вместе с ней «в дорогу далекую», в небо высокое, к звездам, ввысь, в беспредельные просторы.

Свою поэтическую работу молодой Коваленков начинал в тридцатых годах в литературном кружке при редакции журнала «Огонек», вместе с Дмитрием Кедриным, Сергеем Васильевым, Сергеем Михалковым и многими другими, ныне популярными поэтами. Верным другом и автором журнала оставался Александр Коваленков до последних дней жизни.

Сотни учеников воспитал Коваленков, и десятки тысяч любителей поэзии воспитали его книги, сборники его стихотворений.

Владимир ДРОБЫШЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Великий русский ученый и поэт. 7. Начало шахматной партии. 8. Засахаренный плод. 11. Украинский танец. 12. Художественный стиль средневековья. 14. Месяц года. 16. Автомобильная дорога. 19. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 20. Воевода нижегородского ополчения. 21. Областной центр в УССР. 23. Изображение фигуры или предмета в перспективе. 26. Роман К. Седых. 28. Растение семейства злаков. 29. Порывистое круговое движение ветра. 30. Слоистый минерал. 31. Горная система в Азии.

По вертикали: 1. Эпоха Возрождения. 2. Рыба отряда сельдеобразных. 3. Балет С. С. Прокофьева. 5. Спортивная игра. 6. Давно не паханная земля. 9. Молочный продукт. 10. Прямая линия, делящая угол пополам. 13. Один из Курильских островов. 15. Летняя пристройка к зданию. 17. Красная утка. 18. Движитель ракет и реактивных самолетов. 22. Польский скрипач и композитор. 24. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Спортивное общество. 26. Курорт в Читинской области. 27. Река в Архангельской области.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 46

По горизонтали: 3. Чехов. 4. Долина. 5. Рубенс. 7. «Русалка». 9. Таможня. 14. Полька. 16. Атрек. 17. Кастор. 19. Паганини. 20. Реология. 21. Стасов. 23. Ополе. 24. Прилив. 26. Бейсбол. 28. Снегирь. 29. Ацетон. 30. Липецк. 31. Мокко.

По вертикали: 1. Невада. 2. Сократ. 4. Друть. 6. Синус. 8. Квазимодо. 10. Аккордеон. 11. Лопасть. 12. Артишок. 13. Позитив. 15. Канно. 18. Аллюр. 22. Среда. 25. «Игрок». 27. Лондон. 28. Салака.

На первой странице обложки: Москва. 1971 год.
На последней странице обложки: Москва. Центральный стадион имени В. И. Ленина.
Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

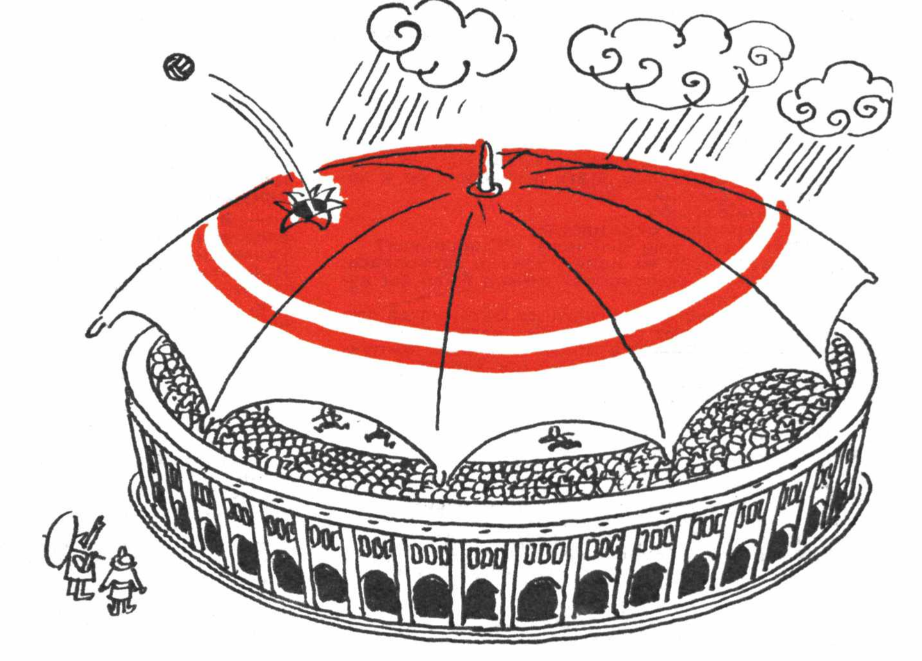
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

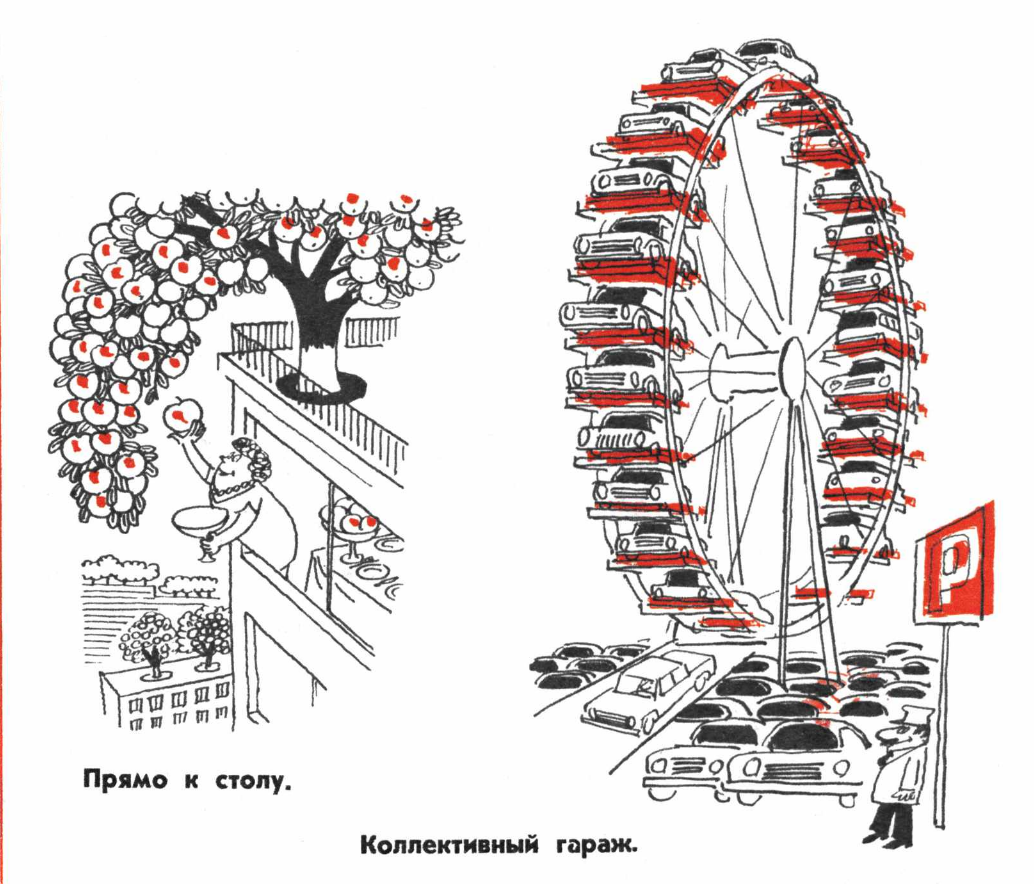
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/XI-71 г. А 00651. Подп. к печ. 16/XI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2426. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2082.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Опять «свечка».

Прямо к столу.

Коллективный гараж.

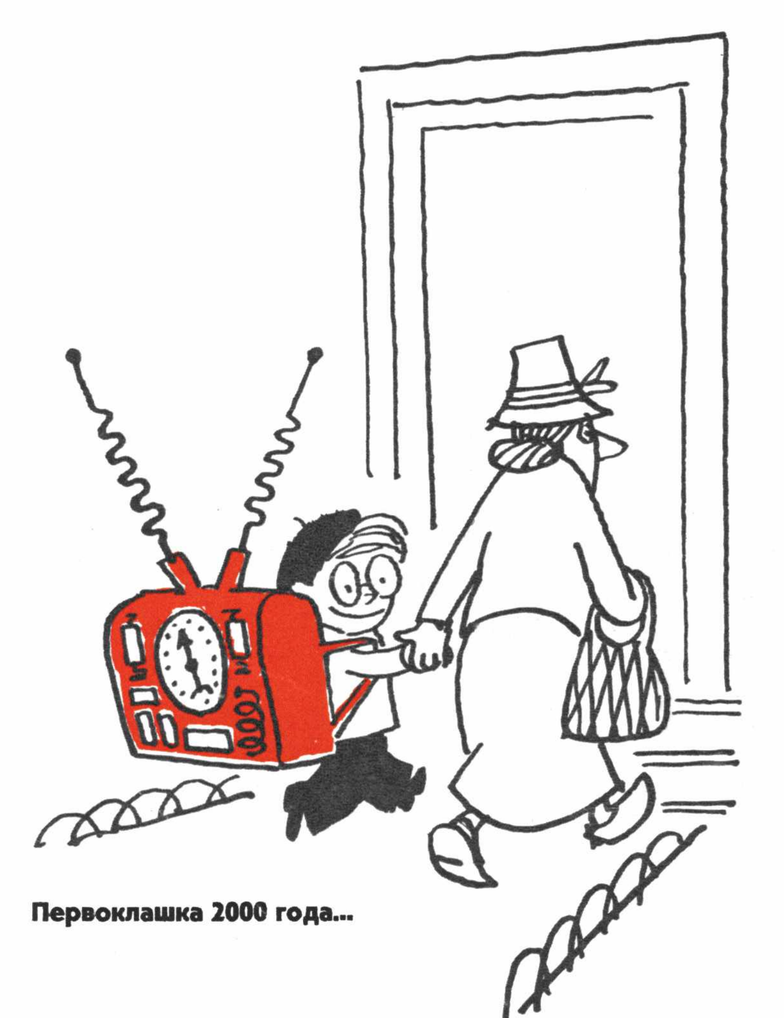
Чистота — залог здоровья...

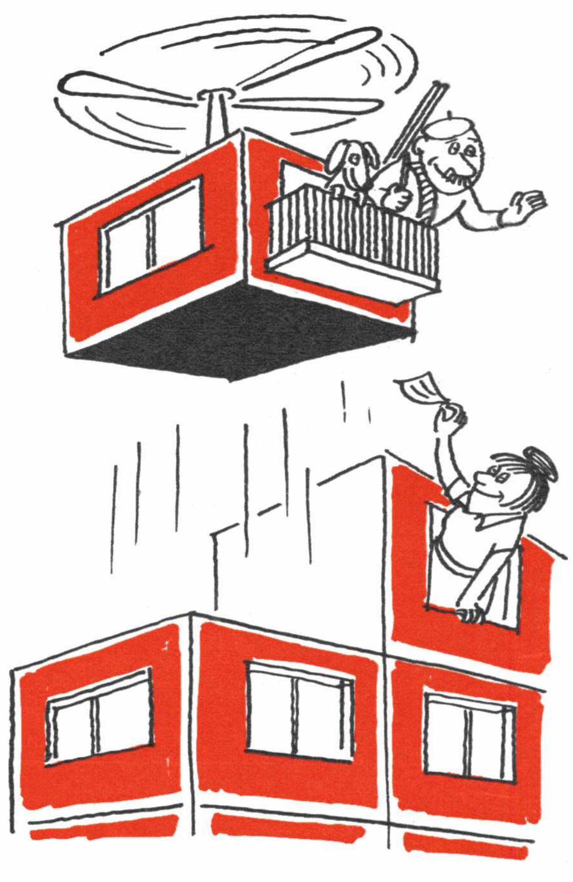

— А по прогнозу должен быть дождь...

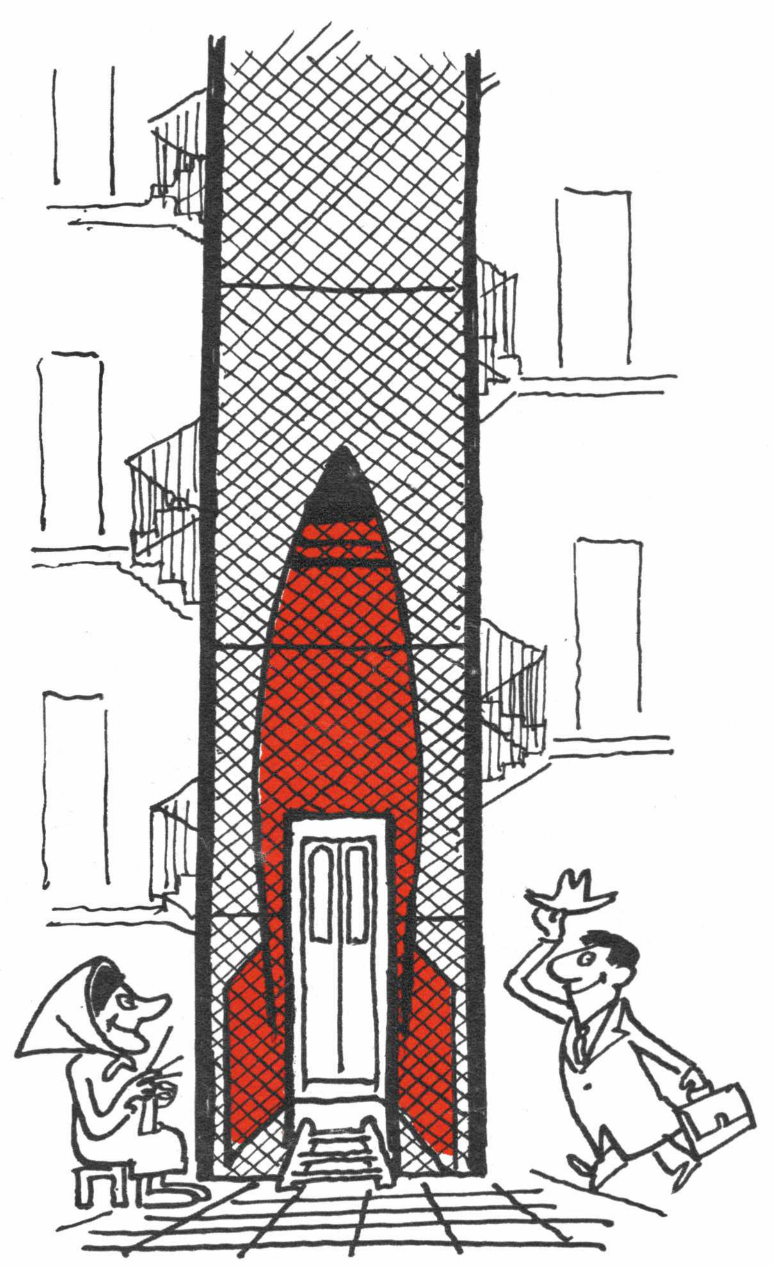
Первоклашка 2000 года...

— Ни пуха ни пера...

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— Мне на 320-й этаж.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.